

Дмитрий АБАУЛИН

Соб. инф

22.45 Бюджет 6
1.05 Справд. 3

ж и отажд. За души детей,
ук ховарств и лени Шленд-
матра Юрия Дрожжика),
Лабузова (актриса Татьяна
отъезжа с чиста немецкой ди-
ле). Фаустовская коллизия в
нее. И такая бываст «настия
очень обаятельный, опти-
мистическую сторону жи-
вительств, растений,
перелетных, а по-своему
сысны, детского спектакля
театры прославляли эту роде-
и соблази укушены мону-
ра, легли у ног доброй фе-
ежа наши дети и играют и смю-
с, как верный пес, будет
театры – в театральных пре-
жизни.

всегда малым, лишь протянуть руку.

В Красномодом музыкальном театре, переживаю- щий явный подъем, не согласился с приговором вре- мени и пересмотрел репутацию «оперетты-феерии». Сейчас, когда мы сыграю каждое слово и мета жита до слова «Петера и Паула», речи не может идти о дет- ском пущении. Ясно масштаб композиторского замыс- ла — это «Детский альбом» Лейгара, музыкально-све- щесловский цикл, схожий по характеру с подобными фор- мальными циклами (Чаковский, Шуман, Брамс, Вагнер, Чайковский, Кюи). С точки зрения содержания история более традиционная (может быть, даже излишне дидактич- ная): двое мальчиков-подростков, помысливше решают бежать из дома приемных родителей на поиски Шла- фродера, сказочной страны, живущей в национальном фольклоре многих народов. Это страна молочных рек и кисельных берегов, где трудиться страшно и жизни надо прожить в наслаждении. Зрители постарше, особенно знающие толк в оперетте, понимают, что здесь зашифро- вана сама красавица Вена, город удовольствий, воле- делания мир музыкантов и артистов. Простой вроде бы сюжет каждый считает за меру собственной фан- тазии, тем более что спектакль режиссера Вячеслава Чопы и художники Светлана Арпюховой как раз и заду- ман не плоской сказочкой, а ментальной философ- ской эзгикей. Да, средняя спектакли, дворец блаженст- ва полон сверкающей эзгикой (чуть не сказала, эзготи- ки) свертков и зале (и на театральны критиков, ус- тавших за десятилетия от созерцания актрис-трагист) впечатление сильное. Всего же в спектакле занято 40 детей из студии и хора музшкола. Но, повторю, уми- лает не самые их присутствие, но абсолютно правдива атмосфера лирической феерии — порыв в неизвестность за Синею пещеру, искание приключений, первое роман- тическое, почти гофмановское переживание таинства жизни, ее все важные этапы и контрасты. За душой детей, в том числе и дух коварства, не менее Шелла- ндруса (замечательная роль у Юрия Козлова) и фея добрая и трудолюбива Лабораза (актриса Татьяна Краснова принуждена бороться с чисто немощной дидактикой, упомянутой выше). Фаустовская коллизия в оперетте? Представьте себе. И такая бывает «чистша фан- тазия» — настоящий бек, только очень обязательный, от- черкнутый мальчишам гедонистическую сторону жиз- ни. Обожорничан не опереточный, растлитель, опять-таки не плоский, не интеллектуальный, а по-своему опасный. К счастью, законы сцен, детского спектакля торжествуют — сумрачные тени просквозили эту роде- ственскую историю, но зло и слабо укушены могу- щественными силами театра, легли у ног доброй феи Лаборазы и послушны. И пока наши дети играют и смот- рят оперетту, Шелландианус, как верный пек, будет оберегать их от прочих искушений — в театральны пред- дел и на просторах самой жизни.

РИНГ

Новая волна
и старые предпочтения

«Нам нужно перестать болтаться между двумя мирами — в геополитическом, моральном, экономическом и политическом смысле. Настало время выбрать наконец-то магистральный путь и начать по нему двигаться».

Патр Великий — это Европа. Золотая Орда — это Восток. Во все времена российские лидеры дрейфовали то в одну, то в другую сторону. И сегодня опять приходится выбирать. Главное в том, какой геополитической ориентации отдаст предпочтение российская элита. Формула выбора выглядит так: «Быть на третьих ролях в западном мире или на вторых в восточном». Первая позиция в том, и в другом случае исключается».

Сергей КАРАГАНОВ,
председатель президиума Совета
по внешней и оборонной политике

войти в круг избранных. И на одном желании стать таким, как «они», здесь далеко не уедешь. Россия уже испытала это на себе.

Стивен Козин, известный американский ученый, специалист по истории России, опубликовал книгу «Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России», в которой подводит итоги наших попыток жить по американским рецептам. Вместо современной рыночной экономики и гражданского общества, пишет Козин, в России возникло уродливое сочетание коррумпированного олигархического капитализма для немногих и массовой деградации уровня жизни основной массы населения, сопровождаемой также и массовой усталостью, и отуплением, порожденными несоответствием между декларированными целями и реальной жизнью. То, что в отчетах американских консультантов и российских реформаторов именовалось «успешными реформами», вело к нищете. «Свободный рынок» оказался поднят всеми видами рабства — от криминального до государственного. «Банки» не кредитуют производство и предпринимателей, а растаскивают и переводят за границу бюджетные средства. «Средний класс», опора реформ, представляет собой ничтожную часть населения, балансирующую на грани разорения. «Свободная пресса» контролируется финансовыми группами и превратилась в орудие информационной борьбы...

Конечно, все это для российского уха не бог весть какие открытия, но напоминать о них не мешает. «Главное сейчас в другом: какой сценарий развития предпочтет президент России? — убежден С. Караганов. — Мне кажется, что он придерживается западноевропейской модели развития. Но очевидно и другое: в политике — как внутренней, так и внешней — его затеивают в традиционалистское русло...»

По многим признакам — и устремленности мысли, столь осведомленного человека, как Караганов, из их числа — сейчас намечается новая волна либеральных социально-экономических реформ, потому что время поднимает президента. Какими методами они будут осуществляться? Выиграет экономика, получим мы наконец эффективных собственников? Или случится только новое перераспределение собственности между старыми олигархами и новыми претендентами на власть и богатства? Согласается ли уставшие люди терпеть новые испытания? Будут ли они понатыканы? Если ответы на эти вопросы не будут даны с учетом прежних ошибок, то результаты новой волны неутрадно предугадать. Потому что далеко не все зависит от предпочтений президента и нашей скоростной элиты. Нужно, чтобы они не противоречили предпочтениям российских граждан. Их тихое несогласие погубит все.

Кстати, тут очевидно проглядывается желание разделить США и Западную Европу. Это желание в последнее время не дает покоя многим нашим политикам. Увы, желаемое тут принимается за действительное. И обычно наше стремление сыграть на «противоречиях», углубить их и расширить оборачивается конфузом.

Жить как на Западе? Господи, да кто же не хотел бы! Но вот какие данные приводятся в докладе ООН «Глобализация с человеческим лицом» (1999 г.). Разрыв доходов между пятью богатыми и пятью беднейшими странами составил: в 1960 году — 30:1, в 1990-м — 60:1, в 1997-м — 74:1. И так по всем параметрам. Разрыв между развитыми и развивающимися странами с каждым годом только усиливается. При этом глобализация беспощадна к отстающим. У них практически остаются минимальные шансы

УЧРЕДИТЕЛЬ
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ТАБЕТА
ОАО «Издательский дом
«Литературная газета»
Генеральный директор
Александр Абрамов

Политический бомонд необыкновенно возбудился. Резыгрывается многоходовая интрига — с восторгом недоверия правительству, роспуском Думы и досрочными парламентскими выборами. Причины происходящего не слишком понятны. Провозглашаемые участниками цели подозрительны. Их планы не внушают надежд. Что же происходит? На вопросы «ЛГ» отвечает специалист по российским выборам, руководитель аналитической группы «Меркатор» Дмитрий ОРЕШКИН.

Займитесь лучше делом!

Кому интересна «мыльная опера» «Вотум недоверия»

— Дмитрий Борисович, ощущение такое, что ситуацию взирали на пустом месте. Нашим политикам как будто захотелось пошлать, напомнить о себе.

— Мы имеем искусственно созданную ситуацию. Цели, провозглашаемые для общественного потребления, ложные, они сильно отличаются от истинных. Поведение коммунистов, вроде бы собравшихся объявить вотум недоверия правительству, абсолютно непонятно — надо восстанавливать имидж оппозиционеров, иначе партия теряет лицо. Это невыносимое желание коммунистов пошуметь сразу решило использовать так называемые «кремлевские технологии». В частности, Глеб Павловский еще до всей аферы заявил, что, если коммунисты начнут возмущаться вотумом недоверия правительству — а рано или поздно они вынуждены будут это сделать, — их надо проучить и навсегда отбить охоту к таким «матчам». То есть ситуация продумывалась. Но ведь поставили коммунистов на место можно при необходимости очень легко, чисто аппаратными методами. Формируется думское большинство без коммунистов, у них отнимаются портфели, руководящие кресла — и все.

— Вместо этого поднимается вселенский шум, придумываются какие-то хитроумные ходы и интриги, грозят очередными выборами, которые никому сегодня не нужны, на которые попросту нет денег...

— И хуже всего в этой придуманной политической сваре выглядит опора Кремля в Думе — партия «Единого». У нее скверная позиция. Ее лидеры в последнее время постоянно твердят о желании показать коммунистам, что они сегодня не так сильны. Но для большой парламентской партии это не позиция. Вы не называете кого-то должны, а прежде всего себя показать — свою программу, свою политику, своих лидеров, свои позиции.

— Лидеры «Единого» действительно выглядят беспомощно. А их аргументы выглядят не серьезными политиками, а дилетантами, увлеченными в чужие расклады. И, скорее всего, до новых выборов дело не дойдет. Но тем не менее политический бомонд с увлечением предавался любимому занятию — считать, кто сколько получит голосов, если выборы пройдут в ближайшее время...

— Ну давайте прикинем. Несмотря на перманентные похороны коммунистов, они получили бы сейчас на выборах никак не меньше мест, чем имеют сейчас. А по моему мнению, даже несколько больше. За КПРФ голосуют уже не как за коммунистическую партию сталинского толка, а как за левую партию, которая будет более справедливой в распределении доходов. И сейчас эта часть электората, скорее, склонна расти, чем сокращаться.

— Есть у нас и правые как-никак... — Есть небольшой правый фланг. И не исключено, что люди, разочаровавшиеся в «Едином», почувствовавшие, что их держат за марionеток, уйдут к правым.

— Мы говорим об объединившихся правых?

— Да, если удастся объединиться СПС и «Яблоку». Несчастие, как известно, случается. Глядишь, и правые в случае внеочередных выборов сообразят, что одиночке им не выжить.

— А кто же больше всего потерял бы? — ОВР, потому что движение опиралось в основном на административный ресурс. Вспомните, где было больше всего голосов — Ингушетия, Татарстан, Башкортостан, Москва. Теперь такого не будет. Прогрессируют бы «Российские регионы», потому что региональное начальство будет поддерживать партию власти, а не каких-то там независимых кандидатов. Сильно проиграла бы ЛДПР. Жириновскому сегодня остается только зафиксировать свою личную преданность партии власти и поехать в Думу одному, уже без партии.

— «Единому» угрожает одержать одолжительную победу? — «Единому», наверное, победит за счет административного ресурса. Они считают самой чиновной партией. Но! Сколько они выиграют за счет чиновного ресурса, столько же они проиграют у избирателей. Потому что партия демонстрирует сегодня политиканство не слишком чистого характера.

— Но кто-то же выигрывает в этой игре? — Администрация президента. При любом исходе. И Дума в глазах общества продемонстрировала свою мелкость и бесбрежность, и правительству показала, под кем оно ходит.

— Но невольно задается вопросом: а разве ситуация была настолько острой и настолько тупиковой, что требовалась такая стрельба из крупного калибра? — Тут возникает не только политическая, но и нравственная проблема. Стране не нужны выборы, людям не до того. Но внутри элиты идет борьба различных групп, и они готовы втянуть в нее всю страну. Хочется, например, утопить Лужков — чем меньше противостоят, тем легче управлять. То есть идет борьба за примитивизацию политического спектра, чтобы было легче и проще командовать.

— А может, пугает неуверенность в результатах выборов 2003 года, которые будут проходить, судя по всему, в непростой ситуации? — Согласен, обстановка будет куда сложнее — долги, технологические трудности, неясность с рейтингом президента... Провести побольше «аборитированных» выборов по примеру губернаторских, которые намострили делать это, подавая в отставку, вроде бы резонно. Но слишком уж это будет неэтично. В духе Березовского. Только интересы — и ничего больше. И люди чувствуют: происходящая среди политиков война не в интересах государства. Займитесь лучше экономической, созданием рабочих мест, борьбой с коррупцией и преступностью...

— ОВР, потому что движение опиралось в основном на административный ресурс. Вспомните, где было больше всего голосов — Ингушетия, Татарстан, Башкортостан, Москва. Теперь такого не будет. Прогрессируют бы «Российские регионы», потому что региональное начальство будет поддерживать партию власти, а не каких-то там независимых кандидатов. Сильно проиграла бы ЛДПР. Жириновскому сегодня остается только зафиксировать свою личную преданность партии власти и поехать в Думу одному, уже без партии.

— «Единому» угрожает одержать одолжительную победу? — «Единому», наверное, победит за счет административного ресурса. Они считают самой чиновной партией. Но! Сколько они выиграют за счет чиновного ресурса, столько же они проиграют у избирателей. Потому что партия демонстрирует сегодня политиканство не слишком чистого характера.

— Но кто-то же выигрывает в этой игре? — Администрация президента. При любом исходе. И Дума в глазах общества продемонстрировала свою мелкость и бесбрежность, и правительству показала, под кем оно ходит.

— Но невольно задается вопросом: а разве ситуация была настолько острой и настолько тупиковой, что требовалась такая стрельба из крупного калибра? — Тут возникает не только политическая, но и нравственная проблема. Стране не нужны выборы, людям не до того. Но внутри элиты идет борьба различных групп, и они готовы втянуть в нее всю страну. Хочется, например, утопить Лужков — чем меньше противостоят, тем легче управлять. То есть идет борьба за примитивизацию политического спектра, чтобы было легче и проще командовать.

— А может, пугает неуверенность в результатах выборов 2003 года, которые будут проходить, судя по всему, в непростой ситуации? — Согласен, обстановка будет куда сложнее — долги, технологические трудности, неясность с рейтингом президента... Провести побольше «аборитированных» выборов по примеру губернаторских, которые намострили делать это, подавая в отставку, вроде бы резонно. Но слишком уж это будет неэтично. В духе Березовского. Только интересы — и ничего больше. И люди чувствуют: происходящая среди политиков война не в интересах государства. Займитесь лучше экономической, созданием рабочих мест, борьбой с коррупцией и преступностью...

— ОВР, потому что движение опиралось в основном на административный ресурс. Вспомните, где было больше всего голосов — Ингушетия, Татарстан, Башкортостан, Москва. Теперь такого не будет. Прогрессируют бы «Российские регионы», потому что региональное начальство будет поддерживать партию власти, а не каких-то там независимых кандидатов. Сильно проиграла бы ЛДПР. Жириновскому сегодня остается только зафиксировать свою личную преданность партии власти и поехать в Думу одному, уже без партии.

— «Единому» угрожает одержать одолжительную победу? — «Единому», наверное, победит за счет административного ресурса. Они считают самой чиновной партией. Но! Сколько они выиграют за счет чиновного ресурса, столько же они проиграют у избирателей. Потому что партия демонстрирует сегодня политиканство не слишком чистого характера.

— Но кто-то же выигрывает в этой игре? — Администрация президента. При любом исходе. И Дума в глазах общества продемонстрировала свою мелкость и бесбрежность, и правительству показала, под кем оно ходит.

КАЗУС

Не надо играть в опасные игры

Скорее всего, Дума не проголосует 14 марта за вотум недоверия правительству. Депутаты-одномандатники группы «Народный депутат» ни за какие посулы не согласны поддерживать эту операцию по устраниванию коммунистов. Они прекрасно понимают, что переизбраться на второй срок им будет чрезвычайно трудно. Скорее всего, дружат и многие депутаты «Единого», представляющие региональные организации: политическая игра, затеянная ад-

министрацией президента, им не по душе. В конце концов, депутаты от «Единого» не самоубийцы. Они прекрасно понимают, что на новые выборы партия Кремля пойдет в обновленном составе и что предстоящая чистка может коснуться каждого.

Тем не менее сама угроза нового политического кризиса, возникшего на пустом месте, напоминает нам о глубинной болезни нашего национального сознания. Мы не можем спокойно жить, ценить и беречь то, чем обладаем на сегодняшний день. Мы хотим большего, ломаем то, чем на чем стоим, но в результате теряем все и скатываемся в яму. Все наши катастрофы XX века — от неумения, глупой жадности. Мы хотим большего и как можно быстрее, а в результате получаем, как всегда.

Сегодня мы не ценим должное умиротворение, связанное с Путиным. Складывается ощущение, что и сам президент не ценит этого, иначе он запретил бы никому не нужную и ничего не дающую операцию по устраниванию КПРФ. Сама по себе инициатива коммунистов выставить вотум недоверия правительству была бы бурей в стакане и не имела бы никаких последствий. Но включение в эту игру «Единого» с целью спровоцировать роспуск Думы может привести к резкой деградации. Складывается ситуация, когда все политические игроки очертают голову бросаются в омут неопределенности, делая ставку на большую выигрывать.

КПРФ мало того, что Путин реабилитировал, взял под защиту российскую державность, она хочет, чтобы он сразу, немедленно повел повсюду, связываясь с его либеральной партией. Чтобы Путин реализовал не только государственностную программу КПРФ, но и экономическую. КПРФ живет по принципу «или все, или ничего».

Но еще большие аппетиты у администрации президента. Ей мало прежних побед. Разработчики идеи досрочных парламентских выборов, идеи устранивания коммунистов хотят большего. Они стремятся перевести коммунистов на общинную политическую жизнь, превратить Думу в организацию, послушную штамповочной проекции законов, подготовленных в администрации. Складывается впечатление, что идеологи досрочных парламентских выборов хотят устроить из Думы всех противников очередной либеральной революции.

И уж совсем трудно понять лидеров «Единого», которые включились в эту игру. Неужели они не понимают, что второго чуда не будет, что второй раз люди не пойдут голосовать за неизвестно откуда взявшихся политиков, собранных наспех под эгидой «Единого»? Скорее всего, Шойгу и Грызлов действительно верят, что на досрочных выборах они получат большинство в Думе.

В результате происходит то, что происходит — умножение авантюры, подрывающих нашу и без того хрупкую нормализацию. В результате и власть, и население ввязываются в никому не нужную игру. Из возникшего на пустом месте политического кризиса все его участники выйдут с серьезными потерями.

КПРФ, вступив в борьбу с Путиным во имя поддержания своего оппозиционного имиджа, толкает президента в объятия либералов, приучает его к мысли, что коммунисты лишены чувства реальности, что с ними «каши не сваришь». Тем самым рушится негласный союз президента с левыми силами, лежащий в основе нынешней нормализации.

Администрация президента, начав борьбу за послушную Думу, повергает страну по крайней мере на полгода в политический кризис. Роспуск Думы, отставка правительства, чего я не исключал, новая выборная кампания возвращают нас во времена неопределенности, политических игр, хаоса. От чего мы ушли, туда и приходим.

Значительно пострададет «Единое». Очевидно, что Путин на возможных досрочных выборах не рискует объявлять себя лидером списка правящей партии. На это, на мой взгляд, он может пойти только к концу десятилетия, перед окончанием второго срока своего президентства. Если эта политическая игра будет продолжаться, то Путин, скорее всего, будет создавать новую правящую партию с новыми, более известными и авторитетными лидерами, чем Шойгу и Грызлов.

Я согласен с Евгением Максимовичем Примаковым, что больше всего эта операция по роспуску Думы и подведению страны к досрочным парламентским выборам ударит по престижу Путина. Надо осознавать, что избиратели крайне негативно относятся к самой идее технического парламентского кризиса. Новая ситуация будет работать на подрыв прежнего позитивного образа Путина. Вместо президента консолидации, национального единства, нормализации Путин может превратиться в Ельцина, в президента раскола, войны, хаоса.

Вопреки прогнозам разработчиков этой операции она будет работать не на Кремль, а на оппозицию. В условиях раскола, и прежде всего раскола общества и политической элиты, КПРФ чувствует себя как рыба в воде. Нынешняя нормализация объективно подталкивает морально-психологическую почву под коммунистами. А если снова возникнет ситуация противостояния между властью и левыми, то у КПРФ появится шанс для возрождения прежней популярности. Вполне вероятно, что избиратели вообще не будут участвовать в досрочных парламентских выборах в знак протеста против кровеносных и клинических политических игр.

Все это затея с досрочными выборами в Думу работает и против страны, и против политической элиты, и против президента. И от нее необходимо, пока не поздно, отказаться. Было бы разумно, чтобы в голосовании по вотуму недоверия коммунистам никто не поддерживал коммунистов. Политическая элита обязана беречь с таким трудом достигнутое состояние нормализации и консолидации общества во избежание возрождения сильной России.

Не следует исключать и то, что в условиях политического нестабильности, связанной с парламентским кризисом, могут появиться на политической арене новые политические игроки, которые пошатнут все планы администрации президента. И вместо создания планируемого нового жесткого порядка мы можем получить новое издание явной или скрытой гражданской войны.

Александр ШИПКО,
политический обозреватель «ЛГ»

ОПРОС «ЛГ»

«Спартак» — чемпион?

Георгий МЕНГЛЕТ:

— Мне кажется, что сейчас настолько неясное положение в нашей лиге, что я, например, не смог бы гарантировать место лидера «Спартаку». Уже больше разочаровавшихся были последние матчи в лиге чемпионов. Настолько, что меня это смущало. Так что в целом у меня большие сомнения по поводу чемпионства «Спартака». Единственная радость, что, может быть, чемпионат России станет интересней в силу того, что на этот раз труднее будет предсказать несомненную победу «Спартака». И не смотря на то, что команда усилена чрезвычайно — более сильной состава я в «Спартаке», например, не помню, — то, что я видел на встречах с перекрестными командами Европы, не впечатляет пока. Но пока время есть. Наступает весна, лето, и я думаю, что все вперед. По этим самым «пока», мне кажется, «Спартак» будет труднее, чем когда бы то ни было.

Татьяна ГДЛАН:

— Я болельщик «Спартака» с большим стажем. Но то, что происходит в команде, меня, конечно, удручает. Сегодня на международной арене нет российского футбола во многом из-за того, что «Спартак» прогнул лигу чемпионов. Второе. Как профессионалы на уровне страны они стоят выше на голову остальных команд. Спартаковцы должны воспитать хорошую игровую программу: очки в международном футболе, чтобы не потерять свой статус первой команды страны. Думаю, и психологически, и организационно будет вложено все, чтобы «Спартак» сохранил свои позиции в чемпионате страны.

Вы же понимаете, что чрезвычайно трудно слепить хорошую команду за год. Это как в том борделе, где один эксперт сказал: не кровати надо менять, а девочек. Так и здесь. Видно, нынешний состав не является собой тот футбольный символ страны, который все хотели видеть, начиная от президента и кончая последним болельщиком. Нет футбола, нет команды, и пока нет перспектив. Поэтому надо в корне менять качество игроков. Из всего того, что на поле — однадишь бугае, как говорил Аркадий Райкин, бегают за одним мячом. Можно ведь, в конце концов, всей стране собрать все необходимые и взять хороших игроков, сделать классную команду, с которой считались бы на международном уровне. А перетасовки, которые до сих пор происходили, ничего не меняют. Романцев надо думать о том, как усилить команду мощными индивидуальными игроками. Если этого не будет, рассчитывать «Спартак» — ни через год, ни через два — не на что.

Александр ТКАЧЕНКО:

— Судя по первой игре, если «Спартак» и станет чемпионом, то по совершенно другим показателям. Потому что вдруг он сыграл в совсем другую игру. Я смотрю третью игру подряд: «Спартак» совершенно забыл короткий пас, который он всегда играл, и пытался играть по-английски — длинными передачами. В итоге «Спартак» потерял свой футбол и не приобрел новый стиль, который считается европейским: быстрый, длинный, скоростной футбол. Романцев понял, что для того чтобы выиграть европейский чемпионат, надо переставить игру на европейский лад. На местном чемпионате можно обыгрывать всех. А вот дальше надо ловить совсем другую игру. Конечно, я думаю, что «Спартак» будет чемпионом. Хотя, если честно, не совсем уверен. И прежде всего потому, что пообещали идеи «спартаковцам». Кроме того, другие команды привыкли к игрокам: их условия понятны, их игра стала удающейся. А это смерть для команды.

Сегодня проиграл или выиграл «Спартак» — не радость и не трагедия. Не надо раздувать трагедию из поражения «Спартака». Ее поражение — это не национальная трагедия. У нас достаточно более серьезных трагедий. А это драма.

Мартин ШАККУМ:

— Я бы не спешил пока с прогнозами. Хотя игры в лиге чемпионата просто разочаровали. Конечно, этому есть объяснения: сезон только что начался. А потом, несмотря на то, что я давний поклонник «Спартака» и всегда связывал его успехи со своими успехами: так, полюбилось, что с везением «Спартак» совпадает и мое везение по жизни, но тем не менее я считаю нездоровой в целом для футбола ситуацию, когда одна команда из года в год занимает первое место. Мне кажется, что это не на пользу нашему футболу. Чем больше здоровой конкуренции, тем больше в чемпионате интрига, когда не все так очевидно, — это только на пользу нашему футболу в целом.

Подготовил: Армен ГАСПАРЯН

ИХ ОПЫТ

Британская Фемида наконец зашевелилась

Но будут ли результаты?

Для экс-наместника наступают в Англии предреприятийная пора. Министерство внутренних дел объявило о пересмотре законодательства в отношении военных преступников. После десятилетия практического бездействия в Лондоне решили пойти путем Соединенных Штатов и Канады. Эти страны лишают гражданства и депортируют лиц, подозреваемых в пособничестве фашизму.

Их на Альбоне хоть пруд пруди. По последним данным, несколько тысяч. Только полорозов из печально известной украинской дивизии СС «Варф»», которые безжалостно правились с огромным количеством мирных людей в Советском Союзе и Польше, — около 1500.

Как все они перебрались сюда, получили британские паспорта и спокойно живут вот уже больше полувек? Представитель Скотленд-Ярда только что обнаружил следующие объяснения: выяснилось, что за «большими» еще с середины сороковых стоит мощная тайная организация. У нее огромные «деньги партии» — естественно, гитлеровской.

— Наша позиция резко ужесточилась. Британское правительство убеждено, что все военные преступники, включая наместника второй мировой войны,

должны предстать перед судом. Не будет никаких исключений и снисхождений, — твердо сказала мне министр по делам иммигрантов Барбара Рош.

Теперь у пороваемого будут отбирать паспорт и выдвигать за пределы страны.

Нынешний пересмотр законодательства — очень серьезная поправка в позицию британского правительства. Но не все ясно. Есть риск того, что экс-наст. покинув Соединенное Королевство, окажется практически на свободе и его ищи синица как ветра в поле.

Политологи и журналисты комментируют новую программу, ставят этот вопрос. Напоминают и о печальном опыте последних лет. Сколько гитлеровских прислужников поймали и даже отправили на скамью подсудимых, а потом отпустили!

Так, два года продолжался процесс над Семеном Серафимовичем, о котором подробно писала «ЛГ». (Нашу газету не раз цитировали в зале суда.) Каратель собственноручно расстрелял больше ста евреев возле белорусского городка Мир. И что же? Его оправдали. Мол,

84-летний Серафимович стар, болен, да и улик недостаточно (хотя на суд приезжали десятки свидетелей из России, Белоруссии, Израиля, США...).

Лишь однажды — два года назад — на Британских островах был вынесен уникальный вердикт. 78-летнего Антона Савоюка приговорили к пожизненному заключению.

С того времени англичане надеются, что последуют новые процессы и они завершатся приговором. Может быть, пример британской Фемиды, которая все-таки зашевелилась, окажется неплохим примером для других стран?

Михаил ОЗЕРОВ,
сб. корр. «ЛГ»,
ЛОНДОН

ИЗДАТЕЛЬ
ЗАО «Издательская
и рекламная группа
«Метрополис»

Президент, главный редактор
«Литературной газеты»
Лев ГУШИН

Генеральный директор
Сергей Колодезников
Главный бухгалтер
Михаил Златковский
Производственный отдел:
тел. 208-91-23
Технический директор:
тел. 206-06-79

Отдел распространения:
тел. 208-98-55, 208-82-81
Отдел рекламы:
тел. 208-95-24
Отдел маркетинга и PR:
тел. 208-91-62
Адрес издателя:
Костянский пер., 13
Москва К-9 ГСП-9, 101999

УЧРЕДИТЕЛЬ
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ТАБЕТА
ОАО «Издательский дом
«Литературная газета»
Генеральный директор
Александр Абрамов

РЕДАКЦИОННЫЙ
ОТВЕТСТВЕННЫЙ
Людмила Колпакова
«Политика, экономика» —
тел. 208-82-41
ведущий редактор Анатолий
Дружков: Олег Мороз,
Игорь Серков, Армен Гаспарян
«Общество» —
тел. 208-87-44
ведущий редактор Александр
Шербаков: Игорь Гамаюков,
Елена Берзина, Майя Кузнецова,
Татьяна Зимина, Алексей Торжашев
«Наука» —
тел. 208-82-76
шеф-редактор Владимир Губарев;
ответственный редактор
Андрей Тарасов
«Литература» —
тел. 208-09-22
ведущий редактор Алла Латынина,

Павел Басинский, Игорь Кузнецов,
Владимир Радзиевский, Лев
Пирогов, Александр Яковлев,
Мария Галина
«Искусство» —
тел. 208-98-76
старший редактор Юрий Данилин;
Жанна Васильева, Ирина Тосунян,
Галина Черемская («Телетекст») —
тел. 208-82-62
главный администратор
Евгения Обухова, Павел Хмара
Обозреватели:
Дмитрий Беловещиков,
Олег Сестинский, Александр Шипко
Балла-редактор —
Александр Каранов
Секретариат —
Татьяна Гроссман, Борис Фуров

Общий тираж 78 000 экз.
Газета печатается в Москве.
Сайт: www.litgazeta.ru, также
Белгород
Отпечатано в типографии
ПО «Пресса» 123865 ГСП, Москва
А-137, ул. «Правды», 24
Номер подписан к печати
13 марта 2001 г.
Зак. № 11600
Подписные индексы:
5087, 34180 и 84847 (компл.)
Заказывайте подписку
по каталогам «МК», «Периодика»
и «Аргументы и факты»
Реклама не вступает
в переписку с читателями,
не возвращается и не возмещает
переплатные рукописи
Перепечатка допускается
по согласованию с редакцией,
ссылка на «ЛГ» обязательна

Газета зарегистрирована в Министерстве
РФ под печать, телерадиовещания
и средств массовой информации
Свидетельство ПИ-№ 77/183 от 01.03.2000
Адрес редакции:
Костянский пер., 13
Москва К-9 ГСП-9, 101999
Для телеграмм:
Москва 90 Литгазета
Электронный адрес:
litgazeta@netax.ru
Факс: 206 62 25, 208 91 83
Корреспондентское бюро
по Центральной и Восточной Азии
тел. 8-10-99 412-930989
Васильев Савелов

«Литературная газета»
распространяется
на бортах авиаконвоя
АЕРОФЛОТ
BRITISH AIRWAYS
JAL JAPAN AIR LINES
TRANSAERO
Различное распространение
в Европе и Северной Америке
осуществляет фирма
«Пресс Поинт Интернейшнл»

ЦЕНА В РОЗНИЦУ В РОССИИ
И СТРАНАХ СНГ ДОГОВОРНАЯ
Austria — 03 30,00;
Belgium — BFR 90,00;
Canada — CANO 2,90;
Czech Republic — CZK 70,00;
Denmark — DKK 18,00;
England — £ 1,00;
France — FF 12,50;
Germany — DM 4,80;
Greece — GRD 550,00;
Hungary — Ft 350,00;
Italy — LIT 6500,00;
Luxembourg — FLUX 90,00;
Netherlands — f 9,80;
Poland — ZL 11,00;
Slovakia — SKK 135,00;
Spain — Ptas 475,00;
Sweden — SKR 22,80;
Switzerland — SFR 4,80;
Turkey — TL 950,000;
USA — USD 2,90

Как заметил однажды лидер КПРФ Г. Зюганов, «народ наш миролюбив и 800 лет провел в походах и боях». Роль Вооруженных Сил в истории России беспрецедентно велика для развитой страны. При этом, однако, влияние военных на власть было весьма ограниченным. Удивительно, но со времен Петра I, когда Россия окончательно стала централизованным государством европейского типа, в нашей стране не произошло ни одного успешного военного переворота. Да и безуспешных, по сути, было всего три — восстание декабристов, корниловский мятеж и путч 1991 года. И лишь в демократической России военные и представители других силовых структур впервые получили возможность прийти к власти, одержав победу на выборах.

Александр ХРАМЧИХИН

С МЕЧТОЙ О КРЕМЛЕ

Первым вице-президентом новой России стал генерал Александр Рухой. Особенности этой личности привели к тому, что он же, видимо, будет и последним человеком, занимавшим у нас в стране этот пост. За семь лет Александр Владимирович трижды поменял политические взгляды на противоположные, принял участие в подавлении одного мятежа и организации другого, осенью 1993 года в течение двух недель побывал «как бы президентом», заслужил ненависть сперва руководства КПСС, затем сторонников Б. Н. Ельцина и, наконец, своих непримиримых врагов из НПСР, создал и загубил политическое движение «Держава», заработал репутацию одного из наиболее коррумпированных губернаторов и в конце концов, невзирая на членство в «Единстве», был устранен новым президентом с политической арены руками курского областного суда.

Вторым генералом, очень близко подошедшим к власти в стране, стал Александр Лебедь. В первый раз он обратил на себя внимание широкой общественности, когда в августе 1991 года вроде бы перешел на сторону защитников Белого дома (позже, правда, заявил, что ни на чью сторону не переходил). Звездой экранов Лебедь стал в 1992-1995 годах, когда командовал 14-й Российской армией в Приднестровье. Там генерал сперва заслужил репутацию народного героя, отразив наступление молдавских частей, затем, однако, обвинил руководство Приднестровья в коррупции и в поддержке мятежного Верховного Совета в Москве. Успел также поспорить с руководством Министерства обороны, заявив о несогласии с реорганизацией подчиненной ему армии. После длительной публичной дискуссии с непосредственным начальством, принявшей откровенно скандальный характер, в июне 1995 года ушел из Вооруженных Сил и стал одним из лидеров Конгресса русских общин. Данная организация рассматривалась как один из основных фаворитов на выборах в Госдуму 1995 года. В первую тройку КРО вошли тогда Юрий Скоков (бывший секретарь Губзема РФ), Александр Лебедь и Сергей Глазьев. Однако Скоков и Лебедь не показали власти в конгрессе, что и привело к провалу — 7-е место на выборах, 4,31 процента (около 3 миллионов) голосов. Лишь пять депутатов от КРО прошли в Думу по одномандатным округам, включая самого Лебеда.

Прозвонив в Госдуме в составе рядовых «Народовольцев» не могло доставить Лебедю радости, поэтому уже в конце февраля 1996 года он дал согласие на исполнение роли «дублера» Ельцина на предстоящих президентских выборах. Специально для команды президента должны были так «раскрутить» генерала, чтобы он уверенно вышел на третье место, отбояв голоса как у Зюганова и Жириновского, так и у Явлинского, а перед вторым туром передал своим голосам Ельцину. План был реализован блестяще. Лебедь набрал в первом туре 14,52 процента (почти 11 миллионов) голосов и через три дня был назначен секретарем Совета безопасности РФ. Попутно он отстранил от власти трех других генералов — начальника кремлевской охраны А. Коржакова, директора ФСБ М. Барсукова и своего давнего «заклятого друга» министра обороны П. Грачева.

Это был пик карьеры Лебеда. Однако в тот момент казалось, что для генерала все только начинается. Предвыборная гонка подрывала физические силы президента, он начал готовиться к операции на сердце. А «имевший честь» Лебедь решил, что надо занять уже почти освободившееся президентское кресло.

Первым шагом к нему стало подписание хасавюртовской капитуляции. Лебедь точно рассчитал, что если этот документ будет подписан, то де-факто будет устранен его никто уже не сможет — у президента не оставалось на это физических

силу народно-республиканскую партию, себя не считая, в июне прошлого года уволен из Вооруженных Сил Руслан Аухиев. Герой Советского Союза (получил это звание в 1982 году в Афганистане), избранный президентом Ингушетии в феврале 1993-го, в феврале 1994-го и в марте 1998 года.

Мнения политиков, политологов и журналистов об Аухиеве чрезвычайно противоречивы. Одни считают, что только благодаря ему родственные чеченцам ингуши не ввязались в войну с Россией. Другие — что Ингушетия являлась тыловой базой для сепаратистов, где отдыхали и лечились боевики и отмыкались деньги, нажитые на торговле заложниками, наркотиками и нефтью. По-видимому, оба мнения весьма недалеки от истины, так как несколько не противоречат друг другу. Зачем влезать в чужую войну, если можно на ней заработать?

Аухиев традиционно является «диссидентом», фрондируя по отношению к федеральной власти не только в связи с чеченской войной, но и в связи с нынешней реформой федеративных отношений (крайне отрицательно относится

к созданию федеральных округов и Госсовета, к реформе Совета Федерации), а также по множеству других вопросов. Ранее выступал за то, чтобы в России законодательно были разрешены кровная месть и многоженство. Добивался полного подчинения себе республиканских судебных органов, прокуратуры, органов внутренних дел. При этом подконтрольный Аухиеву электорат на выборах обеспечивал рекордную явку и рекордные же результаты тех, кто в данный момент у власти в Кремле (79,8 процента у Ельцина во втором туре выборов 1996 года, 85,42 процента у Путина на выборах 2000 года).

Популярность Аухиева в республике высока, однако сейчас не абсолютна, как было еще восемь лет назад. Подыскать альтернативу ему хотя и сложно, но можно. Видимо, Кремль этим и займется. Разумеется, устранение Аухиева может привести к дестабилизации ситуации в Ингушетии и вокруг нее. Все будет зависеть от того, кто займет его место и к чему к моменту выборов будет происходить в Чечне.

Найти свой СААЗ! Кроме Аухиева, в России есть еще один бывший военный (правда, не генерал, а всего лишь полковник), который смог подтвердить свои полномочия руководителем региона на вторых выборах. Это младший брат Александра Лебеда Алексей, победивший на выборах председателя правительства Хакасии в 1996 и 2000

годах. Надо сказать, что в Хакасии есть Саянский алюминиевый завод. Это даже не градо-, а регионобразующее предприятие. Кого поддержит СААЗ, тот и возглавит республику в обмен на обеспечение комбинату спокойной жизни. Лебедь-младший на обоих выборах был как раз кандидатом СААЗа. Потому и побеждал.

Весной 1999 года еще в одном субъекте Федерации к власти пришел генерал. После этого в регионе подтогда длилась холодная гражданская война, которая чудом не переросла в горячую. Речь идет о президенте Карачаево-Черкессии Владимире Семенове. Генерал Семенов (по национальности наполовину русский, наполовину карачаевец) был командующим Сухопутными войсками ИФ. Уволен с этой должности в апреле 1997 года. В феврале того же года против Семенова было возбуждено уголовное дело за злоупотребление служебным положением. Судьба этого дела до сих пор не ясна (классическая ситуация — «ты ли он украл, то ли у него украли»). Тем не менее Семенов был самым известным в стране карачаевцем, потому только и мог бороться с наседавшими властями в республике с 1979 (!) года Владимиром Хубиевым (при этом не избрался на пост президента Хубиев ни разу). Главным соперником Семенова на выборах был мэр Черкесска Станислав Дерев (черкес). В первом туре выборов Дерев получил 40 процентов голосов, Семенов — 17. Второй тур проходит в скандальной обстановке (массовое досрочное голосование, закрытие части избирательных участков в день выборов и т.д.) и принес удивительные результаты — 75 процентов у Семенова, 20 — у Деревя. Контраст с первым туром был разительным до неприличия. В республике начались массовые выступления черкесов, родственники им абхазы и части русских. Затем возникли и параллельные органы власти, в конце концов дело дошло до провозглашения Черкесской автономной области, которая попросилась в Ставропольский край (туда до 1991 года входила вся Карачаево-Черкессия). Были и перестрелки (погиб, к счастью, всего один человек), и метания гранат в окна домов оппонентов. Наконец, 22 октября Верховный суд РФ признал законность победы Семенова. На следующий день Путин (тогда еще премьер-министр) Семенов и Дерев договорились, что через год будет проведен референдум о доверии Семенову. После этого напряженность пошла на убыль и Центр смог тихо «разрулить» ситуацию. Дерев отправился в Ростов на должность советника полпреда Карачаева. Было принято решение, что если пост президента республики займет карачаевец, то вице-президентом должен стать русский (до этого должности вице-президента в республике не было), а премьером — черкес. Заодно «похоронили» идею референдума. Однако совсем недавно против Семенова выступили уже карачаевцы, бывшие соратники его предвыборного штаба, обвинившие генерала в невыполнении предвыборных обещаний и потребовавшие его немедленной отставки.

НЕ УМЕНЬЕМ, ТАК ЧИСЛОМ Однако самый массовый поход генералов во власть начался с победой на президентских выборах полковника ФСБ В. Путина. Назначенные им и избранные при нем генералы пока делают лишь первые шаги, поэтому и оценки могут быть лишь предварительными. Из семи полпредов президента в федеральных округах пять (Виктор Черкесов, Георгий Почтавченко, Виктор Казанцев, Петр Латышев, Константин Пуликовский) — генералы различных ведомств (Минобороны, ФСБ, МВД, ФСНП). Говорить об их успехах либо провалах пока не приходится. Во-первых, рано, во-вторых, до сих пор не очень ясно, что же все-таки они должны делать. Впрочем, «исполняемого» Наздратенко «дождет» в первую очередь именно Пуликовский. Пожалуй, ради одного этого стоило создавать институт полпредов.

Еще одним «генерал-губернатором» стал герой чеченской войны Владимир Шаманов. Он выиграл у «коммуниста без партиялета» Юрия Горчакова, упорно старшего социализм в одной отдаленной Ульяновской области. Естественным результатом этого стало полное «обнуление» населения. Теперь Шаманов также предстоит провести рыночные реформы. Интересно, что одновременно с Шамановым мэр Ульяновска был избран полковник ФСБ Павел Романенко, который вынужден был начать свою деятельность с повышения цен и тарифов на все. Преодолевав последствия социализма, будет ислетко.

Наконец, на губернаторский пост в Приморье сейчас нацелился адмирал Игорь Касанов. Как правило, военные побеждают на выборах как харизматические фигуры, от которых ждут наведения порядка. В лучшем случае ожидания оправдываются частично. Попытки руководить гражданскими структурами в военном стиле в демократической стране приводят исключительно к обратному эффекту. Поэтому наиболее умные и честные военные, возглавив регион, стараются как можно быстрее перейти на «гражданские рельсы». В этом случае они могут стать очень неплохими руководителями, по крайней мере, не хуже «крепыш хозяйственников» советского образца, не говоря уже о секретарях обкомов КПРФ.

Так что не нужно связывать особые надежды с человеком с ружьем. Тем более не нужно его бояться.

Генералы рвутся во власть

Нужны ли они там?

сил, а война была слишком непопулярна. Абсолютно очевидные последствия этой капитуляции для страны (то есть приход к власти в Чечне бандитского режима, который рано или поздно начнет агрессивно против России) в тот момент генерала не интересовали. Скорее, нутренняя популярность была важна. Лебедь стал всерьез воспринимать как будущего президента, причем это будущее могло прийти очень скоро.

Однако такой активный рынок генерала к трону вызвал жесткое сопротивление со стороны премьер-министра В. Черномырдина, главы администрации президента А. Чубайса и министра внутренних дел А. Куликова. Кроме того, Лебедь совершил роковую ошибку, решив подкупиться с А. Коржаковым (видимо, надеясь использовать его как источник компромата на президента и его окружение). Лебедь провозгласил Коржакова своим преемником на выборах в Госдуму по Тульскому 176-му округу. Бывший главный охранник и по сей день представляет тульскую и, однако, Лебедю теперь от этого ни жарко ни холодно. 17 октября 1996 года Ельцин прямо перед телекамерами подписал указ об отставке Лебеда, сопроводив это одной из своих знаменитых фраз: «Что тот такой же, понимаешь, что этот. Два генерала» (имелись в виду Лебедь и Коржаков).

Обиженных властью в России любят, и Лебедь надеялся, что отставка лишь повысит его популярность. В марте 1997 года он создал и возглавил Россий-

ские разборки с местной законодательной властью, экономическими и криминальными авторитетами и властями входящих в состав края автономных округов. В результате генералу стало не до президентства, а его партия полностью развалилась.

Когда осенью 1999 года чеченские «борцы за веру» вторглись в Дагестан, Лебедь решил, что появилась возможность вновь вырваться на федеральный уровень, и стал активно напоминать о своем хасавюртовском опыте, который может быть востребован еще раз. Однако слишком многие уже поняли, что происходящее на Кавказе — это естественное следствие того самого хасавюртовского «мира», поэтому повторять опыт, пожалуй, неизбежно.

10 декабря прошлого года прошли выборы в горсоветскую Думу Красноярска. Половина депутатов там избирается, как и в Госдуму РФ, по партийным спискам. Блок «Силы» в московской тюрьме Анатолия Быкова, главного оппонента генерал-губернатора, получил 40,54 процента голосов. Лебедевская «Честь и Родина» набрала 1,66 процента. Как говорят американцы, по counts.

«МОТАЮЩИЙ ТРЕТИЙ СРОК» Ситуация нынешних споров о том, на сколько сроков можно избирать главу исполнительной власти регионов, вызывает, видимо, что в стране уже есть один человек, «отбывающий» третий президентский срок. Это генерал Советской Армии (российским генералом он

к созданию федеральных округов и Госсовета, к реформе Совета Федерации), а также по множеству других вопросов. Ранее выступал за то, чтобы в России законодательно были разрешены кровная месть и многоженство. Добивался полного подчинения себе республиканских судебных органов, прокуратуры, органов внутренних дел. При этом подконтрольный Аухиеву электорат на выборах обеспечивал рекордную явку и рекордные же результаты тех, кто в данный момент у власти в Кремле (79,8 процента у Ельцина во втором туре выборов 1996 года, 85,42 процента у Путина на выборах 2000 года).

Популярность Аухиева в республике высока, однако сейчас не абсолютна, как было еще восемь лет назад. Подыскать альтернативу ему хотя и сложно, но можно. Видимо, Кремль этим и займется. Разумеется, устранение Аухиева может привести к дестабилизации ситуации в Ингушетии и вокруг нее. Все будет зависеть от того, кто займет его место и к чему к моменту выборов будет происходить в Чечне.

НАЙТИ СВОЙ СААЗ!

Кроме Аухиева, в России есть еще один бывший военный (правда, не генерал, а всего лишь полковник), который смог подтвердить свои полномочия руководителем региона на вторых выборах. Это младший брат Александра Лебеда Алексей, победивший на выборах председателя правительства Хакасии в 1996 и 2000

годах. Надо сказать, что в Хакасии есть Саянский алюминиевый завод. Это даже не градо-, а регионобразующее предприятие. Кого поддержит СААЗ, тот и возглавит республику в обмен на обеспечение комбинату спокойной жизни. Лебедь-младший на обоих выборах был как раз кандидатом СААЗа. Потому и побеждал.

Весной 1999 года еще в одном субъекте Федерации к власти пришел генерал. После этого в регионе подтогда длилась холодная гражданская война, которая чудом не переросла в горячую. Речь идет о президенте Карачаево-Черкессии Владимире Семенове. Генерал Семенов (по национальности наполовину русский, наполовину карачаевец) был командующим Сухопутными войсками ИФ. Уволен с этой должности в апреле 1997 года. В феврале того же года против Семенова было возбуждено уголовное дело за злоупотребление служебным положением. Судьба этого дела до сих пор не ясна (классическая ситуация — «ты ли он украл, то ли у него украли»). Тем не менее Семенов был самым известным в стране карачаевцем, потому только и мог бороться с наседавшими властями в республике с 1979 (!) года Владимиром Хубиевым (при этом не избрался на пост президента Хубиев ни разу). Главным соперником Семенова на выборах был мэр Черкесска Станислав Дерев (черкес). В первом туре выборов Дерев получил 40 процентов голосов, Семенов — 17. Второй тур проходит в скандальной обстановке (массовое досрочное голосование, закрытие части избирательных участков в день выборов и т.д.) и принес удивительные результаты — 75 процентов у Семенова, 20 — у Деревя. Контраст с первым туром был разительным до неприличия. В республике начались массовые выступления черкесов, родственники им абхазы и части русских. Затем возникли и параллельные органы власти, в конце концов дело дошло до провозглашения Черкесской автономной области, которая попросилась в Ставропольский край (туда до 1991 года входила вся Карачаево-Черкессия). Были и перестрелки (погиб, к счастью, всего один человек), и метания гранат в окна домов оппонентов. Наконец, 22 октября Верховный суд РФ признал законность победы Семенова. На следующий день Путин (тогда еще премьер-министр) Семенов и Дерев договорились, что через год будет проведен референдум о доверии Семенову. После этого напряженность пошла на убыль и Центр смог тихо «разрулить» ситуацию. Дерев отправился в Ростов на должность советника полпреда Карачаева. Было принято решение, что если пост президента республики займет карачаевец, то вице-президентом должен стать русский (до этого должности вице-президента в республике не было), а премьером — черкес. Заодно «похоронили» идею референдума. Однако совсем недавно против Семенова выступили уже карачаевцы, бывшие соратники его предвыборного штаба, обвинившие генерала в невыполнении предвыборных обещаний и потребовавшие его немедленной отставки.

Еще одним «генерал-губернатором» стал герой чеченской войны Владимир Шаманов. Он выиграл у «коммуниста без партиялета» Юрия Горчакова, упорно старшего социализм в одной отдаленной Ульяновской области. Естественным результатом этого стало полное «обнуление» населения. Теперь Шаманов также предстоит провести рыночные реформы. Интересно, что одновременно с Шамановым мэр Ульяновска был избран полковник ФСБ Павел Романенко, который вынужден был начать свою деятельность с повышения цен и тарифов на все. Преодолевав последствия социализма, будет ислетко.

Наконец, на губернаторский пост в Приморье сейчас нацелился адмирал Игорь Касанов. Как правило, военные побеждают на выборах как харизматические фигуры, от которых ждут наведения порядка. В лучшем случае ожидания оправдываются частично. Попытки руководить гражданскими структурами в военном стиле в демократической стране приводят исключительно к обратному эффекту. Поэтому наиболее умные и честные военные, возглавив регион, стараются как можно быстрее перейти на «гражданские рельсы». В этом случае они могут стать очень неплохими руководителями, по крайней мере, не хуже «крепыш хозяйственников» советского образца, не говоря уже о секретарях обкомов КПРФ.

Так что не нужно связывать особые надежды с человеком с ружьем. Тем более не нужно его бояться.

НАША ГАЛЕРЕЯ

О ком нельзя не сказать

Петербургские активисты «Единства» не устают оказывать медвежий услуги президенту. Еще свежа и памяти история с букварями, содержащими слоняные описания путинского детства, а на очереди новая инициатива. На сей раз, якобы идя навстречу неистребимым пожеланиям трудящихся, решено поставить на поток выпуск небольших бюстлов Путина, чтобы каждый желающий мог установить его на рабочем месте, если приспичит, дома.

Хотелось поинтересоваться: «Медвежий» или «слонячий»? «Что же вы все по мелочам? Сыграйте по-крупному, предложите переименовать Петербург в Путинбург, и дело с концом!»

«Антора! Антора!» — всю последнюю неделю называли аналитики, исследуя тезисы эзотеричной идеи прерайствления «нотума неопределенности» в «ропуск Луны». Высказывались несколько версий: и что зам. главы президентской администрации Касанов мог затеять игру, наконец, что это целая «группа авторов», имеющих в деле общие интересы.

И еще одна версия, по мнению художественного «Посла», заслуживает внимания. По слухам на выборах у нас не только избираются, но и назначаются, очень может быть, что идею обнулить на доверчивый российский электорат досрочные выборы принадежит кому-то из политтехнологов (портрет одного из них — Глеба Павловского, выдающегося исполнителя одновременно роль и серого кардинала, и публичной фигуры, с удивительным помещаем в сегодняшней экспозиции).

Международный раздел галереи по традиции комментирует политсатирик Николай ЭНТЕЛИС.

Лидские презирали идеалы. Так разрушители древности табуили. Что титловцы, зунны и наиданы Тайшань похитивший могли бы!

«Выходите, — толкуют Штаты только, — Нам экс-президента Слюбода!» Может, попросить Белград сам выдать им экс-президента Вилла?

Экспозицию представляет Анатолий ДРУЗЕНКО

18 января 2001 года на заседании правительства была «одобрена в основном» подготовленная руководством созданного в прошлом году Министерства промышленности и науки «Концепция государственной политики по вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности, созданных за счет бюджетных средств». Согласно этой концепции все, что было создано советскими учеными за прошедшие годы, а также все созданное или то, что будет создано в России учеными и инженерами, теперь поступает в распоряжение государства «в лице уполномоченных федеральных органов (в первую очередь государственных заказчиков)».

По значению предложенную 18 января концепцию можно сравнить с печально известным «Положением СНК (Совет Народных Комиссаров) об изобретениях» от 30 июня 1919 г., законодательно оформившим национализацию большевиками интеллектуальной собственности в России. Правда, в отличие от «денежной гвардии», нынешнее российское правительство не оставило авторам изобретений в качестве утешительного приза сохранение за ними личных (нематериальных) авторских прав в виде пресловутой «авторской свидетельств», а просто объявило государственной (то есть своей, чиновничьей) собственностью все, что создают ученые и инженеры, истребляя получающие за свой труд мизерную зарплату!

Справедливости ради надо сказать, что «процесс пошел» несколько раньше. Уже подписанные президентом Ельциным указы № 556 (от 14.05.98), № 863 (от 22.08.98), № 982 (от 02.09.99) и постановление правительства № 1132 (от 20.09.98) утвердили, что права на результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, полученные за счет бюджетных средств, принадлежат Российской Федерации. Для работ военного специального и двойного назначения для реализации этих вновь обретенных прав создали «Федеральное агентство по правовой защите результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения», списавшие се-

Как государство грабит ученых

бе впоследствии скандально славу под аббревиатурой ФАПРИД. Разумеется, все эти указы и постановления, так же, как и обсуждаемая нами концепция, не укладываются в рамки пока еще действующего в России законодательства. Прежде всего российская Конституция содержит статью 44, в соответствии с которой «интеллектуальная собственность охраняется законом», а не постановлениями правительства. Что касается российского законодательства, то оно однозначно устанавливает, что в случае создания объектов интеллектуальной собственности «в порядке выполнения служебных обязанностей или по заданию работодателя» правообладателями могут выступать (в соответствии с договором между ними) либо авторы, либо работодатели (организации-работодатели).

Система, при которой ученые и инженеры трудятся, а государственные чиновники распоряжаются (и торгуют!) результатами их интеллектуальной деятельности, существовала в Советском Союзе без малого 70 лет. Известно, что в некоторых случаях она позволяла талантливым людям полностью сосредоточиться на творческой деятельности и достигать весьма высоких результатов. Особенно результативно советские ученые работали в ситуации, когда их творческую активность оплачивала вся страна либо за счет эксплуатации рабского труда узников ГУЛАГА, как это было в случае атомного проекта, либо за счет снижения жизненного уровня населения страны в целом, как в случае космического проекта. Коммунистическое чиновничество умудрилось угодить таким же жизненно важным для развития страны направлениям науки, как генетику и кибернетику, за что мы расплачиваемся зависимостью от Запада в сфере продовольствия и информационных техноло-

гий. Но самый главный порок этой системы заключался в так называемой «проблеме внедрения». Смысл этого явления заключался в том, что отлучение в пользу государства прав интеллектуальной собственности привело к тому, что разработчики не были заинтересованы во внедрении своих разработок, а заводы вообще смотрели на любые новшества как на губительные для стабильности их «планового» хозяйства. Ископанные права на результаты интеллектуальной деятельности (права интеллектуальной собственности), по сути своей являющиеся в руках изобретателя движителем технического прогресса, в руках действующего «от имени государства» чиновника превращаются в источник узаконенной коррупции. Если ученый и инженер сам распоряжается созданной им интеллектуальной собственностью, то средства, потраченные на ее создание, автоматически возвращаются в науку и возникает мощный механизм ускорения технического развития. Если же за дело берется чиновник, то возникает механизм торможения, уже погубивший страну под названием СССР.

Весь горький опыт советской науки свидетельствует: попытки заменить рыночный механизм государственным регулированием абсолютно противопоказаны интеллектуальной собственности. Эта порочная практика уже привела к тому, что за десятилетия работы советских научных учреждений на полках научно-технических библиотек скопилось огромное количество неиспользованных, нерезализованных результатов интеллектуальной деятельности. Да и те результаты, которым позволено воплотиться в конкретные изделия, в большинстве случаев принадлежат неизвестно кому. Как говорят в таких случаях специалисты, «права на них не иденти-

фицированы». Идентификация этих прав требует в настоящее время огромных затрат, которые авторы идеи «минимизации интеллектуальной собственности» намерены переложить на плечи тех самых институтов, которые они собираются ограбить. Институты, разумеется, сопротивляются из всех сил. Одни посылают в министерство откровенные отписки, содержание которых сводится к утверждению, что интеллектуальной собственности у них нет, другие разрабатывают более изощренные методы саботажа. В итоге на учет поставлено менее 10% общего числа изобретений, имеющих в отраслевых фондах. Что касается разработчиков, то они давно уже поняли, что «собачье счастье в собачьих руках», и, не теряя даром времени, изобретают различные схемы вознаграждения и использования по назначению украденной у них государственной интеллектуальной собственности. Обычная схема заключается в создании фирмы, через которую юридически корректно реализуется разработка, фактически выполненная в стенах института. Дирекция института в большинстве случаев вынуждена закрывать глаза на способы, которыми их непотопляемые мешками зарплату сотрудники добывают себе пропитание. Кроме того, чтобы хоть что-то унести из под бдительного ока государственных чиновников, требующих своей доли от продажи любой разработки, руководители научных учреждений также вынуждены хитрить. Помимо уже описанной схемы «увода» разработок через «фирмы-дочки», широко используются другие методы, связанные с использованием тонких деталей бухгалтерского учета. Собственно говоря, вся грандиозная система контроля, выстраиваемая авторами концепции, и направлена на пресечение уже известных методов утаивания от госу-

дарства экспроприруемых прав интеллектуальной собственности. По сути, директора институтов и разработчики выступают в роли крестьян, прячущих зерно, а чиновники Минпромнауки, разработавшие данную концепцию, — в роли продюровцев.

Помимо экспроприации прав интеллектуальной собственности, правительство уже использует прием внесения этих национализированных и произвольным образом оцененных прав от имени Российской Федерации в уставные фонды ранее акционированных предприятий для увеличения доли государства в их уставном капитале до 50% плюс одна акция. Таким образом, национализация интеллектуальной собственности позволяет «запустить» в России механизм национализации государством частных предприятий без выкупа. Именно так ФАПРИД по поручению правительства летом 1999 года национализировало АНТК имени Туполева! Нет сомнений, что это не последние жертвы.

Теневая характер оборота интеллектуальной собственности исключает возвращение вырубленных средств и вложение их в новые разработки. По сути, государство, точнее, наделенное властью эгоистичное чиновничество стимулирует стагнацию, пытаясь подчинить своему контролю живой процесс инновационного развития. Если за эпоху брежневской стагнации мы заплатили расходом СССР, то мне не хочется даже представлять себе цену, которую нам всем придется заплатить за стагнацию «по Путину». Между тем время работает не на нас, и если идеология концепции сумеет сжать российскую науку в своих дульных объятиях, то нас ждет кризис, по сравнению с которым курортные ситуации с интеллектуальной собственностью в России действительно критическая, и попытки разрешить ее теми методами, которые предлагает правительство, неминуемо приведут к катастрофе.

Александр ВИННИКОВ, директор Центра исследований и образовательных программ Санкт-Петербургского союза ученых

Сергей БАЙМУХАМЕТОВ

И последнее. Любая нравственный приговор, когда мы говорим о преступлениях против человечности и человечества, должен подкрепляться юридически. Никто в Германии не выйдет на улицы с портретом Гитлера, потому как был суд и приговор. А мы свой Нюрнбергский процесс профукали. И сейчас получили сталинский гимн. Может, скоро и заповеи: «Нас вырастил Сталин на верность народу, и Ленин великий нам путь озарил! Музыка уже реинвентирована. А слова еще раз поменять совсем легко! Мы-то теперь это знаем

ПИСАТЕЛЬ В ГАЗЕТЕ

Окончание. Начало на стр. 5

Н етрудно заметить, что моя критика заметно совпадает с доводами, страшно сказать, Зюганова. И в то же время голосовал я за СПС, то есть за последовательных экономических либералов, которые и насадили поспешно в России мало-приятных «олигархов». (Я предпочитаю термины «плутократы» как более точный; и потому, что власть им дана Плутосом, богом богатства, и потому, что этот греческий бог удачно соизвучен с русским «плут»). Думаю, что такое разделение характерно для большей части интеллигенции. Тут действует инстинкт, который сильнее холодного рассудка.

Так вот: пытаться ли отнять назад награбленное добро? Вот вопрос, который свел бы с ума слабоверного Гамлета. А нам не отвертеться, надо решать. Весь наш исторический опыт вопиет о пагубности резких поворотов. Все наши революции совершались по одному сценарию: изначально порочный режим начинал исправляться, эволюционировать в правильном направлении — и тут его настигала месьа за старые грехи. Так Россия поднималась в начале XX века, но революционеры отомстили слабому и по-своему добродушному Николаю II за грехи грозных предков, за слишком позднюю отмену крепостного права... Перестройка означала ослабление и гуманизацию коммунистической власти, что эволюционировало к свободе слова и торговли — и тут нетерпеливые революционеры протравили слабого доброго Горбачева за преступление грозного Сталина. И вот теперь, кажется, только-только наступает успокоение после десятилетия бурь капиталистической революции, даже начался экономический рост — и снова все переворачивается! И ведь все истители пишут на своих знаменном слове «Справедливость!», а как оно оборачивается?

Я всегда спрашиваю себя: а как бы я поступил, будучи на месте... ну президента в данном случае? Вот я убежден: приватизация крупной собственности была грабительской. Но — была. Сегодня, в 2001-м, решился бы я вновь национализировать нефть и газ, «вернуть назад» промышленные гиганты? Надеть ошибок очень просто, исправлять их через десять лет настолько трудно, даже опасно, что, быть может, и не нужно.

Итак, если совсем коротко: экономический строй мне скорее не нравится, но резко менять, что-нибудь я опасуюсь. Выглядит совсем не героически, не правдой ли? Зато честно. В экономике я бы предпочел китайский путь: постепенная реформа, когда частная собственность прирастает снизу, зарбатывается личной инициативой, а не раздается сверху и продажной государственной рукой. Но мне вовсе не хотелось бы, чтобы у нас по китайскому образцу продолжала править слишком постепенно либерализующаяся компартия. Значит, приходится разбираться и в собственных политических пристрастиях.

Н асушный вопрос: движется ли страна к авторитаризму? Вот старый сподвижник Ельцина еще времен Межрегиональной группы, размышляя «Куда рулит Россия», констатирует: «У нас ручная парламент, послушная система силовых министерств». Значит, волюнтаризм ради чего-то, чтобы силовые министерства сделали бы непослушным Верховному главнокомандующему? Вообще-то такое непослушание называется военным переворотом.

Ну пусть здесь автор в пользу разбачивания не соображал, куда заехал. Но подумав о «послушном парламенте». При президентстве Ельцина парламент был крайне непослушен, что стало причиной многих бед. Я до сих пор думаю, что в 1991 году Ельцин упустил свой шанс консолидировать общество путем запрета компартии. КПСС с помпой распустили, но запрет КПСС оказался эффективным, но путем жестоким. КПРФ же сохранился именно потому, что демократы раннего разлива ложно понимали политический плюрализм. В результате те самые коммунисты, которые во времена своего правления не разрешили несогласным и рта раскрыть, стали требовать себе неслесенной свободы, явно злоупотребляя «парламентскими методами борьбы» и, наконец, совершили попытку вооруженного переворота, которую потом их пропагандисты вывернули наизусть настолько самоуверенно и удачно, что те события и по сей день принято бездумно называть «расстрелом парламента».

Точно так же ради диктата свободы дали «столько суверенитета, сколько сможет взять» крам и республикам, что привело прежде всего к двум войнам в Чечне. Таким образом, отцы-основатели свободной от СССР Российской Федерации вели последовательный курс на ослабление государства. Испуганные на всю жизнь всевластием государственной коммунистической, новые правители ввели преступно виновность государственности вообще.

И вот теперь у нас Дума, в которой президент имеет твердую поддержку. Так ведь именно за это и проголосовали избиратели! Им смертельно надоело склок, и они поддержали внезапно явившиеся «Единство», потому что оно предвещало самую четкую и понятную программу всего из трех слов: «Мы поддерживаем Путина!» Да, партия начальства, так ведь быть начальником еще не позор, пусть теперь начальство и занимается своим прямым делом, а не ведет междоусобную борьбу.

Удивившись многим триумфальным избран «никому не известному» президентом было ответом на пошлость политической тусовки. Потому-то и избранны, что не примелькался: один и те же «говорящие головы» на домашних экранах не только смертельно надоели, но и глубоко разочаровали. И вдруг появилась возможность вознести не этих заносчивых демагогов, а человека скромного, стоящего в тени. Это была история кремлевской Золушки, политическая сказка, поэтому Путин не мог не победить в нашей мечтательной стране.

«Послушный парламент» — обычное дело в демократических странах. С железной дисциплиной голосуют лейбористы и консерваторы в Англии, поддерживая свои правительств.

Политический плюрализм должен про-

стираться, как это устроено, например, в Германии, от социал-демократов до демократов христианских — никак не шире. За плечами немцев тоталитарное прошлое не лучше нашего, и они прекрасно усвоили, что свобода выбора должна быть достаточной узкой, парламент, в котором представлены политические крайности, опасен. И у нас оплошность Ельцина, сохранившего КПРФ, исправляют сами думские коммунисты, успешно дрейфуя к центру, отказываясь от левых лозунгов. Да посмотрел бы я на наших безбрежных плюралистов, оказавшись они в США! Они бы умерли со скуки (или с голоду), потому что вся политическая свобода там между республиканцами и демократами, между слоном и ослом. Страна

поэтому попытка создать политические партии по западному образцу обернулась оформлением клановых групп, которые, получив волю, тут же развязали гражданскую войну.

Россия по уровню своей культуры все-таки не Таджикистан, но и далеко не Литва. Вот и демократия у нас получилась «смазанного типа». По причине местных условий. Гражданин свободной России стал вчерашний подданный компартии. Г. Явлинский трезво пишет: «Идет возврат к «привычным» прежним временам и вещам... Это связано с ностальгией очень большого числа людей в нашей стране по самым застойным советским традициям и временам. В этом — настроение большинства».

Вопрошшать иногда по ночам свою душу

должна идти ясным и последовательным политическим курсом, который в результате выборов корректируется максимум на 10 градусов, но никак не на 90 или 180.

Выбор между сильным царем и бесконтрольными боярами народ всегда совершает в пользу царя. Демократия существует во многих странах только потому, что она достаточно самодержавна, чтобы не позволить себеволюничать средним и мелким начальникам, не говоря об уголовниках. У нас же демократия стала синонимом слабости власти, сводящая до преступления, хотя бюрократов. Поэтому избиратели хотят усиления власти, они считают такое усиление не порочным авторитаризмом, а своей законной защитой. Народные вяти предостерегают: не наступите на наши волюнтаризмы, завтра вы и вовсе скрутите в бараний рог. Но дело в том, что в бараний рог «маленького человека» скручивают и так, уже скрутили и никто о нем не печалится. Раньше можно было пожаловаться в райком партии — и, представьте себе, иногда помогало. Теперь жаловаться практически некому. Произвол новых сильных, когда несчастных людей терроризируют в своей квартире (если она по-прежнему «коммунальная», к поюру нашей страны), в своем доме, ничем не сдерживаемая. Никакая милиция не защитит. Только другая сила. Вот и распространяются всевозможные «крыши», распадается мафиозный образ жизни.

Реушусь сформулировать найденный мною закон сохранения насилия: его сумма в обществе постоянна для данного исторического периода и зависит только от культурного уровня населения. Политики же лишь перераспределяют насилие. В коммунистические времена государство было почти что монополистом по этой части. При резком его ослаблении насилие вовсе не стало меньше, оно перешло главным образом в частные руки. Раньше убивали оптом, теперь в розницу, но населению от этого не легче.

У нас испокон веков жестокие нравы, традиционное равнодушие к личности как пережиток общинного строя. И потому не очень велика ценность человеческой жизни. Именно этим объясняется то непонятное на Западе обстоятельство, что потери в Чечне мало ужасают наше общество. Да потому не ужасают, что жизнь в России вообще сурова и опасна, в шахтах и на заводах погибает не меньше, чем в Чечне, а бандиты убивают раз в десять больше! Среди моих знакомых нет ни одного погибшего в Чечне, но трое убиты у нас в городе на улице.

Закон сохранения насилия объясняет, почему формально одно и то же политическое устройство дает совсем разные результаты в разных обществах. В странах Прибалтики мгновенно установилась демократия западного типа, потому что сумма насилия в обществе там была невысока, культурные традиции соответствовали демократическому строю. А в Таджикистане сумма насилия в обществе оказалась очень высока, пережитки родового строя сильны,

ва граждан». Сетовать на косный народ, оказавшийся недостойным, предложенной ему демократии, все равно что сетовать на дурной климат.

И капитализм, кстати, оказывается эффективным в странах с давними культурными традициями, в особенности там, где торжествует протестантская мораль. Корни процветания США заложили эмигранты в Новый Свет пуритане: самые некоррумпированные и одновременно процветающие сегодня страны — Дания, Норвегия, а уже в Италии, где иные традиции, коррупция высока, а уровень жизни гораздо ниже. У нас любой прораб знает, что лучше всего — и быстро, и добросовестно — работу делает бригада староверов, или батюшек, или других каких религиозных меньшинств, потому что странное сектанты не курят, не пьют, не воруют. Были бы в России все поголовно староверы и батюшки, она была бы в два раза богаче США хоть при капитализме, хоть при социализме.

Демократия не есть цель. Цель — достойная жизнь. Например, возможность слушать прекрасную музыку — это вполне окончательная цель, которая не нуждается ни в каких оправданиях. «Из насладившись жизни одной любви музыка утешает...» Поэтому, когда я слышу, что после августа 1991-го некоторые неравные люди не могут слышать «Лебединое озеро», им жалко. Если что-то и было хорошим в том пуге, так это возможность посмотреть прекрасный балет по телевизору вместо какого-нибудь «близкобастера», послушать гениальную музыку. Коли пришлось бы выбирать между диктатурой, при которой я бы мог непрерывно слушать хорошую музыку, и демократией, ради которой я обязан был жить столь же непрерывно ослушаться ревком и скрежетом, наивысшим современным не то роком, не то поп-музыкой, я бы без колебаний предпочел диктатуру.

И в то же время — вот противоречие! — мне не нравится сегодня, как власти транслируют НТВ. Противоречие снимается, если признать, что всякое лицемерие отвлеченно чисто эстетическое. Правда, телекомпания в ходе перманентной борьбы заместно ослабла объективно; особенно изумляет пошлый плебейский юмор, когда элегантно ирония заменяется грубостью и злобой. Но все равно невыносимо чисто советские мизантропы, когда прокураторы утверждают, что она не вмешивается в политику, но лишь расследует дело о мощенности. Действительность последних лет переполнена грандиозными мошенничествами, и если бы хоть самые крупные раследовались вполноту так усердно, как неслыханно обшарили дело «Медиа-моста», наверное, получили бы на зад своих лены и миллионы обманутых вкладчиков.

И в то же время свобода слова стала такой же противоречивой, как и весь наш нездоровый свободный рынок. Нездавние информационные войны между НТВ и ОРТ доказали еще раз, что «словом можно убить, словом можно спасти, словом мож-

но полки за собой повести». Полки водили с особым удовольствием — в ту сторону, которую укажет заказчик. Свобода журналистики оказывается вполне подобной свободе такси: плати и заказывай.

Представим на минуту, что события последних десяти лет произошли бы под властью коммунистов. Как бы закрепили их на всех кухнях добродетельные прогрессивные граждане! Как бы приговорили порочность ненавистного строя! Но реформы — «свои», и потому оценки даются куда более снисходительные: «С одной стороны, но ведь зато с другой стороны!» И Ельцин со времен Первого съезда депутатов стал «своим», поэтому его оценивали благосклоннее и не обвиняли в авторитаризме, как теперь «чужого» Путина. Если бы ту же властью вертикаль стал укреплять президент, вышедший, допустим на минуту, из СПС или «Яблока» (а вертикаль вынужден был бы укреплять любой разумный новый президент, не желающий оказаться в положении Горбачева после Беловежья), его бы сейчас славил как спасителя российской демократии.

Любующийся собой публицист, один из апостолов нашей новейшей свободы, сообщил недавно: «Что касается Владимира Путина, то у него ничего похожего на исторический взгляд не наблюдается». Говорит такое имеет право человек, не сомневающийся в чистоте собственного исторического взгляда. Но мы-то знаем теперь, что десять лет назад и он, и его друзья оказались предельно близоруки, они не увидели, что принесет свобода нашей стране. Да и кого тогда не ослепила внезапная свобода?! Ослепления стыдиться нечего, постыдным задним числом приписывать себе пророческий дар.

Будь я последователем Шекспира, я бы отыскал в истории или, на худой конец, присочинил такой сюжет на злобу дня: полный благих намерений вождь или царь начинает прекрасные реформы ради блага своей страны. Но выпущенные на свободу стихийные темные силы, до поры таившиеся в рабской покорности народе, приводят к разрушительной анархии: гибнут невинные люди, стеножит голодные толпы, погружаются в порок сироты при живых родителях. И тогда благой вождь или царь, ужаснувшись делу рук своих, лишившись сна, гонимый призраками обездоленных им несчастных, бросается с горы в пропасть. Или со скалы в пучину вод. Перед шагом в бездну он произносит приличествующий порядку трагедии монолог в том смысле, что история его оправдает, когда-нибудь все образуется и страна процветает, но сам он не может простить себе невинных жертв, которых он своей рукой бросил под колеса прогресса. Трагедия должна бы получиться посильнее, чем разочарование Короля Лира в собственных дочерях.

Пока никто из российских реформаторов не подумал жалким до эффекта сцен писателям подобного реального сюжета. И упаси бог от такой развязки. Но нужно же иногда вопрошать по ночам свою совесть. А вопроша, научиться смиренню. Не прощестовать вновь, не кликушествовать. Но даже печать на устах никто, кажется, не наложил.

Я не состою большим поклонником второго президента России. Некоторые его действия меня не радуют: он разочаровал в дни трагедии «Курска», не говоря уж об истории с александровским гимном. Но эти действия — более симпатичные, потому их можно оценить снито. Другие же его решения — ну вроде сближения с Северной Кореей и Ираном — спорны, только будущее сведет баланс выгод и потерь. Нужно починать сомневаться, чаще говорить «не знаю». Но в своем незнании не признался еще ни один политик, ни один публицист. Все они владеют сиюминутной истиной! А сама истина, не обладающая божественным всеведением, просто обязана принимать решения — у них такая работа. Очень даже нервная.

Новый президент ничего диктаторского пока не совершил. Критики его вполне свободно бьются в истерику, не предъявляя никаких доказательств. Чаще кажется нерешительность, оттягивание важных решений — по судебной реформе, по военной, по земельной. Мне кажется, положение его подобно горбачевскому: достиг он высшей власти благодаря поддержке очень сильной группы и действует только только очень осторожно. Ведь и Горбачев, говорит, был любимцем Андропова, что не помешало ему постепенно изменить заветам старших из политбюро. Да и пережидая страна слишком много ленок. А приспосабливаясь надо не только к мощной прежней «элите», но и к настроениям того самого большинства граждан, которые тоскуют по прошлому. Да и почему им не тосковать, если живется плохо? Кстати, иронизируют по поводу «тоски по прошлому» именно те, кому удалось вполне комфортабельно устроиться в настоящем.

Политическая вершущка, которую путают «авторитаризм» и которая пытается пугать им обывателей, не смогла и не захотела записать своих скромных сограждан. Слабая власть, при которой расцвели современные «волюнтаризм дворянства», перестала устраивать население. «Элита» так же далека от его большинства, как дворянство начала XIX века от крепостных крестьян.

Я прекрасно сознаю, что отыскал в себе достаточно распространенное мировоззрение. И не стыжусь. Современная физика обнаружила, что даже электрон невозможно свести в одну точку. Еще труднее, я думаю, свести в точку современное сознание. Догматика с точным мировоззрением в России уже навластившаяся власть. Потому мне симпатичны люди без опасных излишков мировоззрения. Но зато с достаточным запасом душевной доброты.

Пожизненно испуганные пережитым смолоту рабством, многие либералы впадают в панику при всяком движении власти, при всяком намеке на наведение элементарного порядка (самое слово «порядок» многие публицисты уже сделали ругательным). А паника — состояние и жалкое, и прямо пороки. Паника порождает уныние, а уныние — смертный грех. О том учени все отцы церкви. Как атесту мы очень отродю согласиться с ними в этом пункте.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА

Врач - холодное слово, или К 33-й претензий не имею

«Скорая» приехала быстро. Так и полагается по нынешним московским нормам. Если вызов по «03» компьютеры определяют как ЭКС-1, то бригада должна прибыть к больному в течение 20 минут. Есть еще ЭКС-2 и ЭКС-3. Но это касается больных, которые могут подождать: ЭКС-2 — полчаса, ЭКС-3 — час.

Года два назад главную городскую станцию капитально перестроили, оснастили компьютерами. Позаботились и о тех, кто

нет, — «Позвольте, доктор, но у меня сердце». — «Да-да, вам сейчас обязательно нужно быть под наблюдением. В хирургии тоже врачи. Если понадобится, вызовут кардиолога. А для начала под капельницей полежите. Без капельницы вам никак нельзя». И вот я в хирургическом отделении, на шестом этаже тридцатой, имени профессора Остроумова. Выдающийся был терапевт, глава большой школы, и научной, и практической. Его клиника размещалась в красивых,

Ладно, «нравится, не нравится», скорее бы добраться до лифта. Что за люди, эти врачи?.. А внизу, в вестибюле, встретил знакомому. Лежал год назад в них в отделении. Отличнейший доктор. У них в отделении все были докторами. Это друг мой, покойный профессор Юрий Антонович Пытель, заведующий одной из клиник, так определял сущность, в том числе и нравственную, своих коллег. «У доктора, кроме знаний да навыков, еще и душа есть. Это обязательно».

работал с этими компьютерами: и шумоизоляция в залах, и комнаты отдыха, и еще много чего. Московские правительством вложило в это большие миллионы.

Итак, «скорую» долго ждать не пришлось — уложились в положенные 20 минут. Я смотрел на часы. Кстати, если бы опоздал минут на пять, писали бы объяснение. Такой теперь порядок.

Началось обычно: расспрос, что случилось, осмотр, кардиограмма, лекарство в вену и ожидание, когда сердце наконец перестанет беспорядочно метаться и начнет отсчитывать удары как исправный метроном. Бригада ждет этого момента. Не уезжает, врач проверяет пульс, меряет давление. Десять, двадцать, тридцать минут...

На этот раз ничего у них не получилось.

— Вам в стационар нужно, под капельницей.

Знаю я эти стационары. Это вам не кабинеты, оставшиеся от развитого социализма, где лечат истинно кого. Но я им не завишу. Конечно, комфорт, любые лекарства, аппаратура, жратва, ресторанная — приятно, да разные обследования пройти... А лечить что-нибудь серьезное — нет. Недаром сами медики говорят, что полты там паркетные, да врачи анкеты. Мол, по ну му их подбирал. Да и не всякий им поведет туда служить — публика с капризами.

А мне, простоявшему, светила какая-нибудь зачуханная районка, где окажется место. Однажды ночью я попал в такую. До сих пор осталось в памяти, как приехала меня в сопровождении жены «скорая», как долго-долго лежал на каталке в ожидании дежурного врача. Холодильная была жуткая. Осень — отопительный сезон еще не начинали. На этой каталке я чуть не окончил ожидание, да, видно, Господу не было угодно прибрать в тот раз. Когда врач наконец появился (жена говорит — минут сорок ждали), да подошел, дыша перегаром, сердце вдруг ушло — приступ отпустил.

Слез я с этой треклятой каталки, говорю: «Домой лучше поеду». А тот, со стеклышками глазами: «Как хотите. Мол, по своей воле и на нем никаких претензий».

И вот теперь предстоит...

Между тем врач с кем-то сошлись: «Позовте на этот раз — сказала она. — В тридцать третий этаж». Едем?

Против тридцать третий этаж возразить не следовало. Все же горская клиника, имени профессора Остроумова. Там студенты учат — потому и клиника. Большая больница, старинная, да и в десяти минутах от дома. Жене удобно передачу носить.

Спусти несколько минут мы уже в приемном отделении. Странный вид у этого приемного. Несколько комнат, люди как-то на катаках: один спит, видно, а может, померил, другие орут несвязно. «Со всей Москвы везут», — сказала врач «скорая», — Алкаши, наркоманы! Не обращайтесь внимания». — и отвела меня в дальнюю комнату.

На этот раз дежурный врач пришел довольно быстро. Молодой, симпатичный, усталый. Снова кардиограмма, белый осмолот: «Придется вас пока в хирургию. В кардиологии мест

дореволуционной еще постройке, краснокирпичных зданий, в большом саду. Они и сейчас существуют. Но я попал в новодель. Две блочные семитажные коробки построила советская власть в старом больничном саду. В палате нас шестеро — полный комплект. Выделяется один: цветной телевизор на тумбочке, на шее цепь, на пальце массивная печатка «желтого металла». Остальные — так, работники. К этому относятся то ли с почтением, то ли с опаской...

...Пришла медсестра, поставила капельницу. Лежу как мышь зажатая. Плохо мне. Сердце хаотично бьется, то в жар бросает, то в холодный пот. Подложил один из «работяг», поставил нитраты по флакону капельницы: «Что это оно одну каплю вливает? Надо бы серьезнее!» Бывалый, видно. Тот, с цепью: «Ону каплю не льют. Им тоже журилку не нужно. Что-нибудь еще добавили».

Пришла сестра, освободила от капельницы. Жду врача. Плохо мне. Не идет врач. Так и помереть можно. Уже часов пять-шесть как начал колотить. Набрался сил, пошел к дежурной сестре: «Сделайте что-нибудь — укол, таблетку. Да и врач бы мне». «Врач отъезжает», — говорит сестра. «Дежурный написал капельницу, я поставила. А больше вам ничего не назначено». Все.

Тяжелая была ночь. И утро тоже. К соседям утром врачи приходили. Разные. Делали, что им и полагается делать. Один мне запомнился. Хам! Подошел к соседю, посмотрел не стал, сказал: «Биоскоп следаем, тогда посмотрим». «Что это?» — спросил сосед, бледный. «А то не знаешь! Подтвердится — вырежем тебе кусок желудка да выкинем. Если, конечно, дальше не пошло», — и исчез за дверью. А сосед мой остался по палате. Кто-то оставил. «Чего забегал? Не бойсь! Мне вы вертели в прошлом году...» И пошел обсуждение...

А меня все не отпускало. После полудня пришла старшая медсестра, сказала: «Вещички собирайте. Перевозим вас в другое отделение». Не знаю уж, почему так вышло, но сердце вдруг забилось ровно. Приступ закончился. Поудел все же в кардиологию, пускай там посмотрят. Может, какие лекарства подберут.

Но оказалось, не в кардиологию собирают меня первично, а в терапию. «Я не их больница», — попытался поспотнвиться. «Знаю», — строго сказала старшая сестра. — Не нам тем более. Полежите, где койка освободилась, а там, может, и до кардиологии дождет».

Спорить бесполезно. Так оказался я в другом корпусе, тоже на шестом этаже. Сажу, жду врача. Дама подошла в белом халате, сказала: «Поча полежите в коридоре. Место появится — переведем в палату». «Выпишите меня», — попросил я. — Буду дома лечиться». «Как вам угодно», — холодно ответила дама. Видно, обиделась. — Пишите расписку, что к нам не имеете никаких претензий. Но на прощание все же взяла мою руку: «Дайте хоть пульс проверим». В хирургии и этого не было. «Ритм восстановился», — сказала дама, отпуская мою руку, — но мне что-то не нравится, как работает сердце. Но раз вы решили...

но, — говорил он. — Врач — холодное слово. Не терплю. Сам был Доктором с большой буквы. Учен был, порядочный!

Знакомая моя удивилась: «Что это вы нас делаете? Статью пишете? Нет», — сказала я, — не пишу. Тут никакая статья не поможет». И все объяснил.

«Ну вы напрасно так разбодились», — сказала она. — Очень много больных. Люди бедные. Особенно пенсионеры, правдами и неправдами стараются попасть к нам. Лекарства дорожают. Да вся жизнь дорожает. А у нас и покорим, и все же подальше от нем врачей, и за лекарства не надо платить».

Я понимал, что это она не от души говорит, хотя и правду. Но ведь эта правда не мешает оставаться людям в ее отделении «докторами», не превращает их во «врачей». Там «чужих» больных не бывает. Сам видел.

«А знаете, сколько я заработала в этом месяце? — продолжала она записывая коллег. — Полторы тысячи! А у меня дети».

Нет, не переубедила она меня. Тут не в палате больных дело и не в унывающей саму профессору зарплате. Тут государство наше несчастное — причина. Следствие нам досталось тяжелое: от прежних аморальных времен. Ныне — следствие.

Пишу сейчас и думаю: вот о чем.

Мар нашего города Ю.М. Лужков, задумав реконструировать «скорую», сразу свою выполнял. Московское правительство, вложив в это дело немалые деньги, — тоже. Начальник всего столичного здравоохранения А.П. Сельцовский, убив немало собственных нервов хлопот, сделал многое: «скорая» работает по компьютерным программам, более четко и ответственно. А Центральная, куда мы явились по «03», вообще преобразилась — краснота там! Ничего подобного нет в России. Но я не о том. Я о профессионализме и нравственности. Профессор Пытель (последние годы он был членом АМН), делец коллег на «докторов» и «врачей», говорил: «Доктор — это человек, собиравшийся, сопереживающий. Доктор — это когда на душе у больного теплее, врач — когда больному холодно». Так учил он студентов, а я однажды записал это на диктофон.

У Велкиных Докторов всегда были ученики, всю жизнь следовавшие их заветам. У профессора Пытеля они были по всей стране. У профессора Остроумова, имя которого носит горская клиника, было много учеников. Но в этот раз к ним не попал.

Впрочем, к тридцать третий этаж претензий не имею.

Евгений ТЕМЧИН

Р.С. Эти заметки мы хотели позвать А.П. Сельцовскому. Как глава столичного здравоохранения откомментировал бы их?

Увы, это оказалось непростым делом — попасть к чиновнику такого ранга. Нужно сначала пройти через пресс-центр. «Вы принесите нам ваши заметки, мы их посмотрим, тогда и решим, что с ними делать. Можете прислать по факсу». Пришлось печатать без комментариев. Жаль.

Правовой клуб «ЛГ» «ПРЕЦЕДЕНТ»

Кого защищает судейская мантия?

В «ЛГ» № 6 судебным очерком Игоря Гамаюнова «Вы ведь не взяточник, Ваша Честь...» и подборкой мнений известных юристов в правовом клубе «ЛГ» «ПРЕЦЕДЕНТ» была постав-

лена проблема судейского статуса неприкосновенности, который делает судью-правонарушителя недостижимым для закона. Мы продолжаем обсуждение этой темы.

«ЭТО ОСКОРБИТЕЛЬНО!»

«Автор очерка вольно или невольно ОСКОРБИЛ ВСЕХ СУДЕЙСКИЙ КОРПУС. Рассказанная им история совсем не доказывает, что судья Строчков взял ту взятку, которую ему будто бы дал отец подсудимого (мало ли что может рассказать отец ради спасения сына). И еще: судьи так часто слышат выкрики в зале (или в коридорах) о том, какие они нехорошие хапуги, что вынесенные на страницы уважаемой «Литературной газеты» подобные подозрения воспринимаются однозначно: как обвинение всем судьям. В то время как ПРОБЛЕМА СУДЕЙСКОГО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА НЕТ, она выдвинута пиджачниками на скандальных сенсационных журналистах. Есть проблема отдельных личностей, случайно попавших в судейский корпус. Это проблема подбора кадров, отборщиков негодных. Тут — да, надо совершенствовать механизмы, а не мазать всех черной краской...»

М. ЕВСТИГНЕЕВ, юрист на пенсии
Московская область

О ЗАКОНЕ ГОСТЕПРИМСТВА И ЛУКОШКЕ С ЕАСТНИЕМ

Выводят я перед М. Евстигнеевым (возможность, бывшим судьей), не хотел его обидеть, как и многих честных людей из судейского корпуса. Особенно тех, для кого стресс от постоянных перегрузок — дело обывателя. Я и сам был рад вынуть себе, что нет у нас судейского взяточничества. Да мешают кое-какие эпизоды из жизни.

Разговаривая под диктофон с председателем суда одного из дальних районов Саратовской области об особенностях сельской преступности. Чаясь диктовать. Бурбуром на тарелке сохнут. «Да вы ешь-

те, — потчует улыбочкой хозяйин. — Вам же обратно четыре часа пить...» Закачиваем, и тут же, стоило выключить диктофон, на столе появился почтовый бутылоч, звякнули стаканчики: «У нас гости просто так не откупают. Грех».

Нарушитель закон гостеприимства — обидит до смерти. Я и не нарушил. А в разговоре о жизни-бытии спросил, «благодаря ли судей местные жители за труды. Покопавшись на диктофон — действительно ли выключен? — себе-седник, продолжал светиться благодушным, рассказав: «Как-то ушла посетительница, а тут — звонок из области, потом в бумагах косясь, наконец выхожу из-за стола, а на полу, у стула — лукошко, полное яиц, трипичкой прикрытое». — «И что?» — «Ну не бежать же через весь поселок за той женщиной...» Перечисляет: сало, носок, творожок, сметану, яйца. Кому-то из судейских отгород однажды впахали. Денег? Нет, здесь их у всех мало, поэтому обходятся «бартером»... Смысл, вспоминает (вычитав в мемуарах), как Ленин на заседании Совнаркома, когда решали, какие зарплаты назначить сельским учителям, врачам и судьям, сказал: «Этих народ сам прокормит».

А тут толпы в коридорах наглые громкоговорители, полубезумные «Чероки», ссорятся, кричат — делат нахальные предприятия, особняки, земля под коттеджи. Да с них грех не внять! Предлагают же сами. Денги он делит на три не совсем равные части: одну — секретарю (мать-одиночка, у нее сын-подросток, на нем все горит); вторую — «я загляну», то есть в сейф, откуда ей же, секретарю, выдают на тарелочке и прочие промисловленные расходы. Третью — себе.

«А почему я должен жить хуже, чем эти коридорные крикуны?» — «Но

Судья этого я видел — седой, солидный, лицо строгое.

«ГЛАВНОЕ — НЕ НАРВАТЬСЯ НА ПРОВКАЦИЮ»

И еще сюжет. В курортном городке с друзьями поехал на шашлыки в горы. За рулем мощного «BMW» — молодой мужчина спортивного склада, как выскочил, один из местных судей. Он оказался неистощимым на тосты тамады, азартным рассказчиком, вообще отчаянным персонажем: потащил всех к горной реке, первым окунулся в ледяную воду. Когда мы влодем, греясь на огромных плоских камнях в стороне от компании, разговорились и я спросил, часто ли горные охотники предлагают деньги, он засмеялся, кивнул на мои плашки: «А там энкозависывающего устройства нет?» И буднично, в телеграфном стиле обрисовал ситуацию: в городском суде вторую неделю отключены все телефоны (кроме одного — председателя), за долги, отправить повестки не на что: скрепок, клея, бумаги не хватает; у секретарей, молодых женщин, ишнейская зарплата, и та с опозданием.

А тут толпы в коридорах наглые громкоговорители, полубезумные «Чероки», ссорятся, кричат — делат нахальные предприятия, особняки, земля под коттеджи. Да с них грех не внять! Предлагают же сами. Денги он делит на три не совсем равные части: одну — секретарю (мать-одиночка, у нее сын-подросток, на нем все горит); вторую — «я загляну», то есть в сейф, откуда ей же, секретарю, выдают на тарелочке и прочие промисловленные расходы. Третью — себе.

«А почему я должен жить хуже, чем эти коридорные крикуны?» — «Но

как же тогда с идеей справедливого суда?» — «Да сужу-то я по закону, а крикунам даю понять, что я их люблю. Вот и вся механика». — «То есть они оплачивают судопроизводство?» — «Вот именно. Отдают то, что государство не может у них взять через налоги». — «И остальные поступают так же?» — «Конечно. В меру своей смелости». — «Все-таки смелость нужна?» — «Нужна осмелительность, чтоб не нарваться на провокацию». — «Случалось?» — «Тут я как-то заметил за собой слежку — кто-то из недовольных натравил на меня спецслужбу. Я — явление прокурору, наружу тут же снялся...» — «То есть любой судья может свою должность превратить в способ обогащения?» — «В принципе — да, если совсем бесовский, чувствую меры утратил». — «И как такого схватить за руку?» — «А никак. Судейская неприкосновенность — это свято. Просто во всяком хорошем деле бывают свои издержки. Или, скажем так, шероховатости...»

Чем обобщаются такие шероховатости? Вот письмо на эту тему от Елены П., просившей не указывать ее адреса.

«СЛОМАЛИ ОНИ МЕНЯ ВСЕ-ТАКИ»

«...Пишу, чтобы выговориться, так наболело, все равно никакой помощи в моей ситуации редакция оказать не сможет... Живу в маленьком городке в хрущевской пятиэтажке. И вот как-то, вернувшись с работы на два часа раньше, застала у себя незнакомых гостей. Они, скрывшись в комнатах, начали там торжественно, как внутри ее не заперли, и я вошла, удивившись тому, что здесь подальше без ключа.

Видно из прихожей: мечется по комнате парни, а человек лет сорока ими

командует: «В комнату загляни! В шкаф под беле!» Кинулась я обратно в коридор и, то ли со страху, то ли автоматически захлопнув дверь, заперла ее на оба замка. Пока «гости» возлились с замками (они у меня тугие), позвонили соседям. Те вызвали милицию (она у нас рядом). Бандитов взяли в момент, когда они уже были на лестничной площадке — я это видела в «глазок» соседской двери.

Оказалось, что это не очень-то профессиональная группа воров обшаривала в нашем городке с десятком квартир. Состояла она из ребят от 18 до 23 лет, а руководил ими дважды судивший «авторитет» по кличке Крюк. И вот я захожу на вопросы, воры сидят в изоляторе. Вдруг узнаю: Крюка судья выпустил под подписку о невыезде за большую залог, кажется, 50 тысяч рублей.

Иду к судье. Не принимает. Опять иду. Пробиваюсь к нему в приемный день: «Почему выпустили?» Судья: «Можно ли такого судью ввязать с полицией? Ведь фактически все вокруг знает о его поборах».

Оперативные действия против судьи, — объяснил мне следователь, — запрещены. Ни телефон прослушать, ни слежку установить. Да мы можем проинформировать вышестоящего судью, можем обратиться в квалификационную коллегия, которая состоит сплошь из судей и которой вменяно в обязанность следить за чистотой судейского ряда. Эта коллегия дает (или не дает) разрешение на вешение следственных действий. Чаше — не дает.

Почему?

— Считаю нашу информацию неубедительной, не основанной на проверенных фактах. А для того, чтобы их проверить, нужны те самые следственные действия. Замкнутый круг!

соседи же видели, как он с ними из моей квартиры выбегал». — «С соседями мы поговорили, они тоже жить хотят». И дали мне два дня на размышление. Я — к следователю. Он пообещал: «Приму меры». А вечером захожу в подъезд и проваливаюсь куда-то: ударили меня по голове. Но не убили, так, видимо, было задумано. А мне говорят: «К нам посетитель». Смотрю, входит мужчина с букетом, садится на стул, улыбается... Сам Крюк! И негромко так говорит: «Вот в этом букете — большой подарок — на восстановление вашего здоровья». Когда ушел, вижу: в цветах конверт, а в нем — 10 тысяч рублей. Вначале хотела было к прокурору идти. Потом — к Крюку домой (адрес узнала), чтоб в почтовый ящик кинуть его подлые деньги... Но духу не хватило. Так и лежит этот конверт в комодке, буюсь к нему притронуться.

Сломали они меня все-таки. А ведь ничего бы не было, если б судья Крюка не выпустили. Про этого судью мне сказали, что он от Крюка получил сумму в два раза большую, чем залог, то есть 100 тысяч рублей. Ну да, а как это проверить?

А недавно моя родственница, которая, разведясь с мужем, делала в райцентре дом, адвокат сказал: «Готов 15 тысяч рублей судье, иначе ничего не получите». Причем это помимо всех пошлин, идущих на судебные издержки. Ну что за правосудие у нас такое?»

ПО СВОЕМУ ДЕЛУ ПРОХОДИЛ КАК СВИДЕТЕЛЬ

Я прочитал это письмо по телефону знакомому следователю. Спрашиваю: можно ли такого судью ввязать с полицией? Ведь фактически все вокруг знает о его поборах.

Оперативные действия против судьи, — объяснил мне следователь, — запрещены. Ни телефон прослушать, ни слежку установить. Да мы можем проинформировать вышестоящего судью, можем обратиться в квалификационную коллегия, которая состоит сплошь из судей и которой вменяно в обязанность следить за чистотой судейского ряда. Эта коллегия дает (или не дает) разрешение на вешение следственных действий. Чаше — не дает.

Почему?

— Считаю нашу информацию неубедительной, не основанной на проверенных фактах. А для того, чтобы их проверить, нужны те самые следственные действия. Замкнутый круг!

— Ну а если все-таки дает? — Происходит «утечка информации», которая настораживает нечистоту на руку судью. И все срывается.

— Неужели ни одного судью в России так и не наказали за взятки?

— Была такая история несколько лет назад в Волгограде. Там оперативники, понимая, что иначе не выведут взяточника на чистую воду, нарушили закон: без разрешения квалификационной коллегии тайно вели за ним слежку. Выяснили: берет по-крупному. Побеседовали с очередной жертвой, готовившей судье кейс с деньгами, поместили купюры. И проследили за судьей, пришедшим в автоматическую камеру хранения за кейсом. Сняли на видео момент, когда он брал кейс, задержали его, несмотря на крики о неприкосновенности, составили протокол и... отпустили.

— Почему? — Потому что действительно неприкосновенен. Он и по делу-то вначале проходил как свидетель. Только потом, когда квалификационная коллегия наконец его от должности отстранила, стал обвиняемым.

Я понимаю, почему, как мой собеседник оценивает те предложения, которые готовят специальные комиссии по судебной реформе при администрации президента: о них и печати было сказано, что решения об отстранении судьи должны принимать тройка вышестоящих судей.

— Кто поручится, — сказал мне следователь, — что в этой тройке не возьмется верк корпоративная солидарность?

— Тогда, может быть, в квалификационную коллегия нужно ввести уважаемых юристов, не занимающих судейские должности?

— Не уверен, что это кардинально поможет.

— А что поможет?

— Нужно избавиться от гипертрофированного статуса неприкосновенности. И не только судейской, но и парламентской. И разрешить негласные следственные действия против тех и других: народа и людей в мантиях, которые дали неоднократный повод к этим действиям...

Вот такое мнение. А пока оно остается лишь мнением, правосудие на просторах России перестает быть делом людей, честных и не очень, похоже друг на друга только жирноватой: они все входят в зал суда в черных мантиях.

Игорь ГАМАЮНОВ,
редактор раздела «ОБЩЕСТВО»
по правовой тематике

ОДНАЖДЫ В РОССИИ

Кавказские пленницы

Краснодарский краевой суд вынес приговор по уголовному делу № 48/156. Жители Анапы Николай Шитов и Юрий Таривеев получили по 11 лет лишения свободы. Мы давно следили за этим делом и теперь можем о нем рассказать.

ЭХ, ПРОКАЧУ!

Дело было летом. Маша Сергеевна с Зоей Левтовой (имена изменены), очаровательные восемнадцатилетние студентки из Санкт-Петербурга, слав сессию без троек и выехали под это дело родительское согласие, отправившись в милую их сердцу Анапу. Сняли комнату у опрятной старушки.

Поселились в теплой морской вилле до изнеможения, на волнах качались, в вейболб играли. В город возвращались расслабленные, переполненные впечатлениями.

Как-то они познакомились на городском пляже с вежливыми молодыми людьми Юрием и Колей. Посидели дружной четверкой в баре. Вышли на шумную улицу, и новые знакомые предложили поехать к ним в гости. Коля «Жигуленок» стоял неподалеку, Маша с Зоей от предложения благодарно отказались. Однако смешливый, сыпавший анекдотами и прибаутками Юра как-то сумел уговорить студенток «просто покататься» по городу.

Для тех, кто давно не бывал в Анапе, скажу: это уже не затрапезный городишко, как об этом можно было бы час обитая пешком. За последние несколько лет она сказочно преобразилась. Высотные здания, отели, уютный центр... Настоящий город-курорт! А у курорта, как известно, свои законы и правила. Существуют курортные романы, курортные воров, курортные алфонсы. Доверчивым барышням предстояло стать курортными рабынями.

КАК В СТРАШНОМ КИНО

Они восторжествали лишь тогда, когда, покосившись по городским улочкам, машина неожиданно свернула на загородное шоссе. Юрий успокоил пассажирок: они на минутку заглянут к его матери, живущей в пригородном селении.

Однако «Жигули» все удалялись от Анапы, а Николай увеличил скорость. Подружки-хотушки впали в панику: «Остановите машину! Мы хотим выйти!» Зоя пригрозила парням, что выпрыгнет на ходу. В безлюдном месте Шитов остановил машину. Вместе с Таривеевым они связали пленниц по рукам и ногам, заклеили им роты заранее принесенным пластырем и заволокли обеих в багажник.

Дальнейшее походило на американский триллер. Запертые в

душно багажнике, полумертвые от страха, пугливые студентки, разумеется, не могли знать, куда их везут. Наконец «Жигули» стали. Послышалось хлопанье дверей, крышка багажника подползла вверх. Зоя почувствовала, как чьи-то руки погладили ее, будто кулы с бельем, и понесли.

Юрий, разительно непохожий на прежнего галантного кавалера, опустил свою ношу на грязную соломленную подстилку в глубине сарая, сложенного из больших камней. Вскоре рядом он положил обесшесившую от слез Машу. Руки девушкам развязали, пластырь отодрали, а на ноги надели путы из кожаных ремешков с цепью. Тут же обеим навалили пощечины и сообщили: теперь они — рабыни, находясь в их полной власти должны смириться с такой участью, если хотят жить.

РАБЫНИ ПРАВ НЕ ИМЕЮТ

Тесно прижавшись друг к другу и прикрывшись ветхим тряпьем, подружки провели ночь в каменном и холодном сарае. В конце концов их все-таки сморил сон. Пробуждение не было радостным. Умыливающийся Юрий дохлочно объяснил, что они с Николаем выращивают виноград и прочие фрукты-овощи, а рабочих нынче нанять смысла нет: прибыли останутся с гулькин нос. Маша же с Зоей — молодые и здоровые. Идеально рабыни. Если будут работать себе в убыток, на оканчивании огороженного сезона их отпустят восвояси.

Они работали по шестнадцать часов. Кормили подружки дважды в сутки полведра да хлеба. Отдыхать днем было разре-

шено лишь во время короткого «обеденного перерыва». Тогда же Маше и Зое довозилось несколько минут полусонности в большой бочке с водой.

Как только на дворе темнело, пленниц закрывали в каменном сарае, массивная дверь которого запиралась на два мощнейших замка. Им пришлось душно пахнущую дежурную похлебку. А после ужина на них набрасывали «рабовладельцы».

Юрий и Николай насиловали «рабынь», терзали их измученные тела разными, в том числе извращенными способами. Если Зоя и Маша пытались оказывать сопротивление, их безжалостно поролы плетями. «Плантаторы» вообще с превеликой охотой занимались этим, найдя множество поводов для наказания: плохая работа, дерзкий взгляд, неповиновение.

Однажды Маша, уловив момент, попробовала бежать. Но Юрия оварка подняла лай, и Коля пленника пригнал беглянку обратно. Марию жестоко отлещали плетью, изнасиловали, сначала Юрий, затем Николай, и судьи морили голодом.

СВОБОДНЫ!

А в это время Машин отец, пиджачник хирург, терпящий в догадках: куда пропала дочь, почему не звонит? Маша впервые поехала отпыхать одна, без родителей, и Александр Петрович взял с нее слово, что один-два раза в неделю девушка будет звонить домой.

Не дожидаясь звонка, Сергеев-старший позвонил Машиней хозяйке сам (сразу по прибытии в Анапу послушная дочь сообщила отцу адрес и телефон арендован-

ной квартиры). Квартирная хозяйка сказала, что обе девушки уже несколько не ночевали дома. Оформив отпуск за свой счет, Александр Петрович вылетел в Анапу, подав заявление в местную милицию. Через какое-то время к отцу Марии Сергеевны присоединилась не на шутку встревоженная мать Зои Левтовой, преподаватель техникума.

Миллионеры протрещали Анапу и ее окрестности. Никаких следов! Дни шли за днями, и отчаявшиеся родители опустили руки. Машин отец подумывал об обратном билете, когда на пятнадцатый день после своего исчезновения Зоя и Маша сами явились в милицию.

А дело было так. Утром Юра с Колей повели на базар партию овощей-фруктов, а Машу и Зою оставили в квартире. Сообразившие студентки за несколько дней до этого подобрали острый гвоздь и ночью, стараясь не шуметь, высекли им скрепляющие камни цемент. В конце концов им удалось расширить щель и... выковырять один из камней, из которых был сложен сарай. Этим камнем девушки смогли выбить еще несколько. Через образовавшуюся дыру выбрались на свет божий.

Гулявшая по двору оварка обладала полурой, но набрасываться на них, уже знакомых ей, не стала. Перегипав острый гвоздь, Маша и Зоя добирались до грунтовой автотрассы и останавливали первую попавшуюся машину. Рассказали водителю, что бежали от бандитов. Предупредили: заплатите за проезд не могут, деньги у них отобрали. Шофер быстро доставил девиц в Анапу, в отделение милиции.

Оперативники, сопровождаемые Зоей и Машей, отсыскали место в долине Суко, где пленники насиловали, поролы и морили голодом. Когда вечером Юрий и Николай вернулись на «дачу», «рабовладельцы» арестовали.

КАК ВРЕДНО СМОТРЕТЬ ТЕЛЕВИЗОР

На допросе двадцативосьмилетний Юрий Таривеев и тридцатилетний Николай Шитов объяснили, что на «полюстровую» мысль их навед... документальный фильм по ТВ о мужике из города Ватские Поляны Кировской области, который организовал в подвале швейный цех из женщин-рабынь и неплохо заработал. В те дни фильм в очередной раз крутили по телевизору.

— Эх! — сказал тогда Юрий. — Нам бы, Коля, с тобой парутрошку таких захватить...

И захватили. Юрий и Николай были двоюродными братьями. Оставшись после кризиса 1998 года не у дел (фирма, где работал Юрий, обан-

кротилась, а Николай попал под сокращение штата на своем ин завод), решили податься в фермеры. У их бабушки Ирины Федоровны имелся участок в долине Суко площадью в 20 соток. Сил же его обрабатывать у старушки не было, и она согласилась передать его внукам.

Незадолго до вышеупомянутых событий Ирина Федоровна овдовела. Привыкшая жить в большой семье, баба Ира часто ворчала по поводу того, что двадцативосьмилетний Юрий, на которого «девки» разбежались, все ходит в холостяках. Но любимый внук посмеивался и уверял, что не встретил себе свою суженую. Что же до тридцатилетнего Николая Шитова, то он был женат, но полтора года назад жена Галия, уставшая от бесконечных мужниных придиоров и безделья, забрала трехлетнего Васильку и уехала к маме в Новороссийск. А потом настояла и на официальном разводе.

Вся эта история здорово обидела Николая против прекрасной половины человечества. И он с чувством отыгрывался на Маше с Зоей.

Но, главное, обоним им было «западно» трудиться до седьмого пота, не видя ни моря, ни красивых девушек. Курортные парии развращены самой атмосферой праздника, словно разлитой в воздухе. Когда вокруг люди наслаждаются жизнью, обидно как-то лезть в дебри сельской. Оказалось, от бабушки с дедушкой просто унаследовать землю. Но не их трудностями, которые не передаются само собой. Земля в руках дармоедов воняет разлагаем.

Когда Таривеева и Шитова спросили, что они сделали с Зоей и Машей по окончании сезона, они ответили, что, возможно, и отпустили бы по подбору-подбору. А возможно, и продали кавказцам. В горах многие с удовольствием «покупают» людей. А дальше их след терпится. Немногим из пленников и пленниц удается выжить обрести свободу.

Маше и Зое повезло. С Машей после пережитого случился нервный кризис, и она была вынуждена взять в институте академический отпуск.

На мой осторожный вопрос, почему же негнупые и осмелительные девушки поддались на Юрия Таривеева «покататься» Маша и Зоя, давась слезами, объяснили, что ребята были русскими. С кавказцами бы не поехали! Вот нам и еше две своеобразные жертвы раздуваемого горя-патриотизма националистического психоза. И, честно говоря, то, что Краснодарский краевой суд по заслугам воздал бандитам, для переживших ужасы рабства — слабое утешение.

Елена БЕРЕЗИНА

POST SCRIPTUM

...Кто пишет гадость на столах

С появлением в цивилизованном мире высших учебных заведений считалось, что учащиеся в них, то есть студенты, — самая прогрессивная и интеллектуально развитая часть молодежи, особенно в нашей стране. Это мнение, пожалуй, ни у кого не вызвало сомнений, в том числе и у меня, пока я однажды не заглянул ради любопытства в своеобразное отделение аудиторной главной корпуса Костромского государственного технологического университета.

Как-то бывший госсекретарь США Киссинджер сказал: «Каким-то 90% политиков портят репутацию все остальные». Поэтому я тоже могу позволить предположить, что какие-то 90% студентов портят репутацию все остальные. Причем репутацию не только репутацию, но и матчат «альма-матер», а именно столы в аудиториях, на которых наши будущие высокообразованные специалисты упражняются в лингвистическом жлобстве. Настоящие граффити — своего рода открытые послания от «авантю» второго тысячелетия своим потомкам. Это самонаписанный провинциальный диктант настоящего «драйва» детей «пенитумов», от которого у меня, как у сатирика, соблазнительно перехватывало дыхание.

Мне бесстыдно захотелось самому приложить руку к этому народному творчеству и утешить себя за компанию. Но в голову вдруг промелькнула далекая школьная воспоминанием дежурная надпись в туалете 60-х годов: «Стыд и позор тому ученику, кто пишет здесь, а не в газету!». А потому, чтобы не стыдили анонимных родителей и провинциальных студентов, я решил отправить в газету из «словес» скрижали, тем более что не все настоящие граффити «дохловые» и «дещельные».

Ч то же волнует сегодняшних студентов на стыке двух миллениумов? О чем они думают, что чувствуют, чего хотят?

Начну я с нечего, казалось бы, не примечательного настоящего «крика души», который привел в качестве эпиграфа ко всему, о чем пойдет речь ниже: «Хочу в туалет!».

Прав был Михаил Жванецкий, сказав, что писать, как писать, нужно тогда, когда уже не можешь. Но если для первого нетерпение есть

столы под рукой, то с последним «не могу» оказывается большая проблема по причине огромности территории нашей страны:

Широка старуха Русь,
Ни конца, ни края,
Я, наверно, обманю,
Место выбираю.
Трудно будет этому автору учиться без папьерсов. А вот другое, видимо, без водки:
Водка в граненом стакане искрится,
Жарким дыханием сияет утроба,
Если нам водка не так уж нужна,
Ну ее на фиг... такую учбу.

Грустно, конечно, но не смертельно, так как вырвать самый костромской студенческий напиток:

Порой бывает так постыжно,
Что даже чай не лезет в глоток.
И поют только пиво,
Которым запивают водку.
Но сколько водки не бери, все равно два раза бегать, потому что:
Все может быть, все может статься,
Машина может поломаться,
Девочка может разлюбить,
Но бросить пить — не может быть!

Словом «спрайт», «фанта», «пен-си» в Костроме отдают, так как не годятся под капсютку, которой обожает закусьвать наша молодежь:

Хороша закуська —
Кашея капуста:
И подавай не стыдно,
И жуют — не жако.
Не с этой ли закуськи конюше «хочется чего-то, сам не знаю чего», а девушка приходит к логичному выводу:

Если ты беременна,
Значит, это арено.
Если не беременна,
Это тоже арено?

С этим трудно не согласиться, ведь «беспечность» — это женский недостаток, устранимый мужским достоинством. И никакой «новгородский «Тампак»» — в какой-то паке тышлом с лупошкой нам не поможет. Так что девушки-ватушки, мужнички-блинчики — готовьтесь!

Ты у меня один,
Словно в тарелке блин,
Белый, как унитаз,
Лысый, как Фантомас.
И не беда, что у одних главные полушария зацены черепом, у других — штанами». Все дело в том, что «глупый парень хорошо прятает, смелый — гордо достает...». Хотя и «не все то солнечно, что встает!».

Но надо всегда помнить, что где-то рядом «трое в лодке, не стеснясь собакой»... Однако как же дешево наши студентки ценят себя! «Клуб любителей разовой попки (53-87-64)» интересуется: «Почем вы, девушки, красивых любите?» и получает конкретный ответ: «За школяку. Скажи, из какой ты группы? Из какой группы? Из инвадной, вот из какой! Но не потому что он написал на соседнем столе: «Лучше лечь на кучу шлама, чем на девушку с мексфак», а вот почему:

Стоит на асфальте я,
В лыжи обнулю...
То ли лыжи не едут,
То ли я лезвоянтуш.
В оригинале, естественно, «звезданутый» звучит более убедительно. Но даже этого крепкого словца недостаточно, чтобы объективно оценить «самодостаточность» автора перлов:

Я не профи в жизни,
Но скажу я так:
Баксы, такси, шлюхи,
Самолет, коски.
Вот что сегодня вызывает у студента эрекцию! Ибо ему:
Легче в ж... проткнуть мышку,
Чем пойти в упр на пытку,
Где на очередной «паре» напарилать:
Лучше вскрыть на ж... ать,
Чем дождаться перерыва.
А все по причине того, что: «Университетский факультет» — выносив всех российских бед. За что есть кому и расплачиваться:

СИГНАЛ

В общем, переселить их будет ой как непросто! Разве что с большой доплатой. На которую у правительства, как всегда, не найдется...

ВЗАИМОКАСАННЯ

Персонажи мечутся на холстах

A.P.

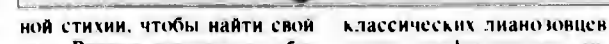
Борис КОЛЫМАГИН

Людмила ЧУМАКИН

B.T.

И.Л. АЛЬМИН,
Е.И. АННЕНКОВА,
С.Г. БОЧАРОВ,
Б.Ф. ЕГОРОВ, Ю.В. МАНН,
В.М. МАРКОВИЧ,
Н.Н. СКАТОВ

И.Л. АЛЬМИ,
Е.И. АННЕНКОВА,
С.Г. БОЧАРОВ,
Б.Ф. ЕГОРОВ, Ю.В. МАНН,
В.М. МАРКОВИЧ,
Н.Н. СКАТОВ

ной стихии, чтобы найти свой дом. Рухнет навстречу небу, траве, деревьям, как бы постепенно прозревая, что и это самое реальное на земле — иллюзия, что самым надежным в мире укрытием может стать «дом из дождя».

Самое детство стало для Андрея художественной школой. Студией — та же Таруса с переходами в овраги улицами, с шествовавшими по ним художниками Платинским, Зверевым, Харитоновым, Свешниковым. С начала 60-х годов художник вместе с родителями слезл в Лианозово, видел картины Оскара Рабина и Кропивницкого. Лианозовская школа чувствует в выборе сюжетов, общем мрачновато-тревожном колорите. Продвинувшись дальше

классических лианозовцев по части метафизичности, он делал в картине как будто бы с помощью скальпеля срезы верхнего слоя жизни, обнажая трагическую сущность бытия. Удивительной домашней метафизической жизнью живут абсолютно все персонажи картин Демьянина — и люди, и животные, что необычайно гармонизирует с обстановкой самой какой-то любовной московской галереи. Особенно показательна картина на «Мышеловка», представляющая собой нечто вроде «художественного компьютера» начала 80-х, промоздкое, но достаточно добротное устройство, аккумулирующее боль и надежды, улавливающее вечность.

Александр ЛЮСЬКИЙ

Александр ЛЮСЫЙ

ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ

Есть охотники, о которых знают по именам в их краях так же уважительно, как верующие знают о старцах, а читающие люди — о писателях. Каждый человек на любом поприще обретает имя, когда обретает судьбу. Бог дает человеку жизнь, человек дает ей цель, а путь к цели — жизненной, духовной, творческой — и складывается в судьбу, где все уже, если она настоящая, неразделимо. Там и жизнь, там и творчество, там и вера.

У Михаила Тарковского как бы три имени. Есть охотник Михаил Тарковский. Родные и друзья пишут ему письма по адресу: Красноярский край, Туруханский район, село Бахта. Это таежное поселение по названию реки. Живет в этом мире, зимой совсем оторванным от большой земли, триста пятьдесят душ. Это те, что остались — не разбегались и не померзли. Кормят река да тайга. Охота давно не промысел доходный, а продолжение жизни. Охотников кормит свой участок в тайге.

На этот же адрес, бывает, приходят гонимые. Были публикации в журнале «Охота и охотничье хозяйство», «Охота» о промысле. Несколько публикаций стихов. Потом проза, рассказы и повести о бахтинском каком-то всегда святом для него житии простых и грешных людей. Она стала заметной в силу своей целостности. Один рассказ смыслов продолжался другим, потому что продолжалась несуетно и осмысленно сама жизнь людей, о которых рассказывал Тарковский. Его рассказы и повести сегодня публикуют журналы разные в своих крайностях (это «Наш современник» и «Москва», где был открыт как прозаик, и «Новый мир»), но путь автора, что свободно и честно, не изменяя ни в чем самому себе, обрел в каждом из этих этапов для русской реалистической прозы журналов свое место, кажется далеко не случайным: так свободно и честно вошла в современную литературу проза Михаила Тарковского.

Бывает еще, что судьбой становится имя. Но Тарковский не спел из своей громкой фамилии судьбы. Он пытался войти от мира искусства, хотя куда же легче было войти в этот мир своим. Он же всегда входил в него чужаком: в стены Литературного института на поэтический семинар — после многих лет, что отданы были совсем другому делу, природоведению, а в литературу — после десяти лет самой притесненной жизни на Енисее. Пришел со сборником удивительных стихотворений, но на многие годы снова исчез и возвратился с прозой, да только побыл недолго — и опять ушел, как чужой, назад, в Бахту. Можно было подумывать: неудачник. Но это участь совестливого и талантливого человека — сопротивляться тому, что написано на роду, и только когда собственная душа толкала на путь творчества, мучительно обретая на этом пути самого себя, чтобы просто быть самим собой, а не подобием.

Тарковский сродни с душой с таежным миром с детства. Он человек, с малых лет очарованный именно этой природой, сильной и могучей, воспринявший ее как Божий храм. Другой так любит стелю или пустыню, а он — свою родную тайгу. Через любовь к природе — сначала детскую, потом осмысленную, взрослую — он научился видеть хорошее, и это, без сомнения, его настоящий, редкий сегодня дар. Чувство этой любви почти религиозное. Это был не романтический порыв, а такое вот осознанное чувство — вера, потому что требовало каждодневного тяжелого труда. Тайга давно стала его домом, родиной, а жизнь в Бахте — далекой от путешествия, да и в тайге романтики как-то не выживает. Человек на каждом шагу может быть там жестоко наказан ею же, природой.

Тема трагическая, болезненная, мрачная, но не разрушающая. Бытие человека и изначально трагично, потому что в собственных силах лишь то малое, чем скрепишь из чего можно свой дом, свою жизнь. Приходит время, когда и этого мало, когда для жизни нужно еще большее напряжение сил. В борьбе за нее не всегда побеждает человек, если слабнет, унывает, терять веру, разрушается, гибнет. Но знание о трагедии жизни побуждает к состраданию, а по сути — к любви. Души людей спасаются, если живы, давая человеку силы к преодолению. Эта простая истина обретает в прозе Тарковского новый глубокий смысл. Он ищет ее, границу эту, между слабостью и силой, жизнью и смертью там, где природа уступает человеку лишь тропки, по которым всегда и некуда идти, если сбился с пути. Это обретение или утрата человеком своего пути стали его темой. Во всем. В стихотворениях. В прозе. В странных черно-белых рисунках, где черное и белое еще резче очерчивает границы одного и того же мира, в котором жив и смертен человек. В этом мире уже на рисунках, однако, есть только природа, есть даже легкие тени рыбацких лодок, но все это без людей. В черно-белый мир рукой Тарковского человек никак не вписывается. Он как будто отдельная уже и от природы краска. Теплая, живая и яркая — другой не может быть.

Михаил Тарковский идет своим путем. Идет не за громким именем, а потому что хочет достичь своей цели — теперь уже, наверное, не быть, а остаться самим собой. Таким, какой отделился всего от открылся в одном своем стихотворении... Это долгое терпение жизни, которое стало, наверное, шепотком, потом стихами и что на бумаге читается уже как исповедь. О хороших вещах не исповедуются, за хорошие не просят прощения. Но это все же исповедь о потаенном — в любви.

Охота...
Я люблю, придя шатаясь,
С горячими сосисками на зуб,
Сливой толково, являясь, спотыкаясь,
В холодную и темную избу,
Там некая неотчетливая работа,
И в полутьме тяжелой куль с крутой
Стойкой шапки, мокрую от пота,
Под тонкой и прозрачной скорлупой
Люблю думать в пылающей короне,
Капканом беспорядка на полу,
Стук льдинок в чайнике и шорох

Холодной рации, покрути трубы в углу
Распятие таинственных доспехи.
Длились, победоносный похмелье
Переговор товарищеской ночью
Кружкой Мухомора, строгим танком...
...С утра собаки скачут на пестру,
Кусают снег и лают друг на друга,
Патриотичная жалкая похорона
Поднятая на новую дыру.
Маршируют воздух свеж, как шаматарь,
Горят вертунки, заснившие красками,
И близость темных зловещих клещей
Такой неслучайный монастырь.

Олег ПЛАТОВ

Пути и тропы

Проза судьбы Михаила Тарковского

Поэтому она воспитывает свои характеры, свою простоту и жесткость в душах. Она неуступчива и жестка и губит слабых. Охотник и зверь — это не палач и жертва, они братья. Этикой прозы Тарковского, по сути, и стало напряжение именно таких сил, а поэтикой — поэзия правды, тоже далекая от романтической. Здесь его собственный юношеский стихотворный опыт, что был отчасти романтическим, оборвался в строках, выправленных реалистическим рассказом о судьбах людей. В стихах хватало слов и образов, сказав о себе, о природе, но все же было, наверное, сказано. Рифмовать, глядя на себя как со стороны, да и с высоты, стало стыдно, трудно.

Полудеревенский быт таежного поселения, откуда уходил в тайгу и куда возвращался, если выжил, — это только быт, скучный и строгий. Тарковский дорожит этим бытом, а то и любит, как продолжением природы, но, заглядывая в души людей, видит много: что они уже в утробе как чужие.

Вопрос не в смысле жизни, потому что всем он вроде бы ясен — эти люди не скандал и лишь в какие-то неожиданные моменты оседают от слабости. Но тогда и приходит в прозу смерть за теми, кто ослаб. Люди умирают будто по собственной воле, просто отказываются жить, то есть сопротивляться, обретая такое смирение и покой, что последний этот уход и оказывается самым выстраданным. Устал человек, и все в нем ус-

тал. Все оказывается последним. Тем, кто уходит, на смену не приходят даже их дети. Бахта — как бухта потопленных людских кораблей.

«Идиот» под псевдонимом

Федор Михайлов.
Идиот.
Роман. — М.: Захаров, 2001.

Издатель, конечно, жаждет возмущенных восклицаний, смешной риторики против попираемых заветных святынь — прямо не обидно ему для бесплатной рекламы какой-нибудь романтики, а лучше ханжи.

Но здесь ничего этого не будет. Случай уголовный, но не страшный. Обыкновенный плагиат, разве что с необычным оттенком инизма. К тому же пострадавшая сторона практически отсутствует. И ушерб, даже моральный, невелик: порядочный человек, купив — скажем, по ошибке — эту книжку, потеряет только деньги. А кто получит удовольствие, тот его, надо думать, заслужит.

Затем нехитрая вроде забавная набившая старухи Шапокаля. Этот самый Федор Михайлов, именуемый в дальнейшем Псевдонимом, переписал абзац за абзацем — вроде как сканировал — роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: переменив реалии на постсоветские, упростив — но в высшей степени искусственно — лексикой и синтаксисом, изменив многим героям фамилии, кое-что присочинив, кое-где убавив, но в целом рабски следуя композиции подлинника.

Князя Мышкина теперь зовут Саша Гагарин, он дальняя родня космонавту, в Россию прибывает из Америки, отсюда же переводит ему капитал.

Настасья Филипповна тут — Надежда Барашкова, фотомодель. Рогожин — Барыгин. Он — бандит.

И так далее. Все это сказано в аннотации, так что читатель с мало-мальски приличным средним образованием издатель не обманывает. То есть, конечно, обманывает, но изрядно, в два хода: расчет не на неслепца, а

на сноб. Сноб говорит себе: не может же быть, чтобы меня, такого умного, так откровенно ловили на такой беззастенчиво голый крючок. Одно из двух — либо теперь в моде наживка невидимая, либо сам крючок обладает вкусовыми свойствами. Любопытно, любопытно...

Действительно, этот крючок даже не порвет губу, всего лишь оставит во рту скверный привкус. Верней, в памяти недовольство и досад. Знаете, бывают такие шутники: в компании радужно подносят новоприбывшему гостю стакан водки, заботливо придираются закуску, гость, выдохнув, осушает стакан — и компания наслаждается выразительным его лицом в следующую секунду: когда он понимает, что в стакане была вода. Вполне безобидная вроде шутка, но пить с тем приятелем больше не хочется.

Так и тут. Вы читаете вместо монолога Настасьи Филипповны: «... Поехали, Барыгин! Давай свою пачку! Ничего, что жениться хочешь, денюжка все равно го-

Или вот остроумное техническое решение: помните, как Агния Епанчина диктует Мышкину образные к Ганеиче Иволгину, тут же присутствующему, гордые слова: Я в горы не вступаю? А наш Псевдоним для этой сцены применяет «дорогой портативный компьютер» и — расхожую цитату из Ильфа и Петрова:

«Посмотрев на Сашу, Вера спросила: — Не обязательно ведь опять про этого... как его... итумана Нафрутия... Я думаю, можно там какой-нибудь другой текст написать? Это не сложно?»

Саша немного смутился: — Если прямо сейчас... Это займет некоторое время... — Пожалуй, вы правы, — сказала Вера. — Сделаете не спеша, потом установите. Текст пусть будет такой: «Гори здесь неумолен». Я уверена, что вы для меня постараетесь...»

Все это было бы смешно, когда бы не было так скучно. Дальше цитировать лень. Качество, так

усы и приписать какое-нибудь трехбуквенное слово.

С исключительным тщанием оскверняет наш Псевдоним разумное, доброе и вечное. И рано или поздно филологическая наука скажет ему сердечное спасибо за этот маршизм — сифиф — туд.

Потому что это грандиозный практический опыт пресловутой деконструкции. Как если бы в барак или казарме какой-нибудь несельчак исполнил под патефон оперу Вагнера или Чайковского, материализуя импровизацию текстом.

Кто-то уже писал, что романы Достоевского построены как оперы. Теперь это доказано усилиями Псевдонима. Изобранный им способ репродукции выявляет непримечательный, но зато вполне реальный, неслыханный слог: нитки трещат, и из под букв проступает бумага, но композиция сохранена, и эта композиция оказалась последовательностью музыкальных номеров, причудливой лестницей мелодий!

Как бы ни кривлялись на ее ступенях пошлые голоса, что бы ни артикулировали — хоть программу Черной сотни, хоть рекламу противозачаточных, — все равно пока интонация романа не разрушена до основания, он и систему сточных труб способен превратить в отдаленное подобие органа. Окажется, он стоит на наших ногах больше, чем мы сами.

Молодец Псевдоним! Даже если он покушался на убийство, все равно спасибо ему, что ограничился краем.

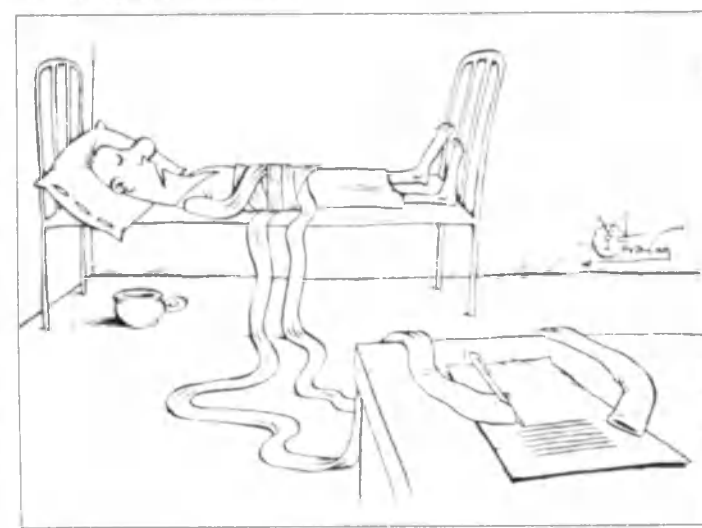
Хотя вообще-то все это напоминает историю, рассказанную где-то Владимиром Солоухиным: как в одну из русских революций людящие посещение извлекли из склепа гроб князя Тенишева, сорвали крышку, поклялись усадить гаску в руки, пипетку в зубы — и в таком виде с песнями носили под окнами иконы: будешь знать, как способствовать народному художественному промыслу!

Вот и литературный протестариат пережил обычный сельский.

В эпоху Достоевского, потребление г-на Захарова подобным образом было бы не только небыло, его издательскую карьеру можно было бы считать законченной: перебивал бы издателями Псевдонима с клеем на клас, а приличный автор обещал бы его сторону.

Теперь время другое, грамотные всеобщие: не удивляйтесь, если как раз Псевдоним озолотит г-на Захарова.

Самуил ЛУРЬЕ

Михаил Тарковский. Фото: Юрий Бугор

ни, Я за тебя, может, еще и не выйдю. Ты думаешь, если женишься, пачка у тебя останется? Арен! Я слышу! Меня Троцкий во все дыры имел... Саша! Обрати внимание на Веру Панчину, у тебе не подложу...

... — Дурдом, дурдом! — повторил Панчин.

... — Ната, нет... — простонал Саша.

... — Да, да! Да! Я, может быть, гордая, что с того, что шлюха! Ты меня совершенством назвал... То есть совершенством получилась вот такая я крутая, миллион на фига, мужа-космонавта на фига! Какая у тебе жена после этого?...

НАШ ЧЕЛОВЕК

Под хрюканье поросят он тайком читал Гоголя

— Говорят, у Конфуция было три тысячи учеников... — заявляю я в качестве «предисловия к теме».

— Нет, — возражает профессор Лань, — настоящих учеников было семьдесят два. Остальные приходили время от времени. Конфуция просто послушать, просто взглянуть на него. А инак, — неожиданно восклицает он, — дворян Конфуция на его родине почитали императорским в Пекине, только меньше. И сад похож. Журавли слетаются туда по вечерам, очень красиво летят и рассказывают на вершущах деревьев вокруг дома Конфуция, вокруг храма Конфуция, у кладбища, где похоронен Конфуций...

— А почему вы начали заниматься русской литературой? И почему Гоголем?

— Еще в школе мне подалась книга Вересаева «Гоголь в жизни». Я прочитал ее, в переводе, естественно, и мне очень эта книга понравилась. А потом прочитал «Миргород», «Старостетских помещиков»...

— По ментальности это так далеко от всего китайского, от того же Конфуция. Как же вам вдруг понравился?

— Мне очень по душе гоголевский юмор. Для меня это лучший писатель в русской литературе. Характеры, которые он выписал, до сих пор живы, и актуальны. Ноздрев, например, или Хлестаков, или Мандриков... И это вовсе не так далеко, как вы полагаете.

— Вы находите, что такие характеры присущи и китайцам?

— Характеров типа Ноздрева у китайцев действительно мало. Мы, китайцы, более скромные. И все же Гоголь у нас пользуется огромной популярностью, нам очень интересна его философия. В моем переводе вышли «Вечера на хуторе близ Диканьки» и книга «Гоголь в воспоминаниях современников».

В 1951 году, когда поступил учиться на факультет русского языка в университет, там преподавали русские профессора из Советского Союза. Прежде чем отправиться на работу в Китай, они удостоились приема у самого Сталина. Он каждому пожал руку и прочитал наставление, как нужно правильно работать, чтобы сделать Китай другом Советского Союза...

А потом наш «папаша» с вашими Никитой и Хрущевым, так же как посорисился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем... Русские профессора вернулись к себе на родину, но к тому времени я, уже ими выученный, начал переводить рассказы Паустовского (в те годы он мне очень нравился) «Снег» и «Шиповник». Закончив работу, отдал ее в издательство, где рукопись была одобрена. Но тут как на грех началась кампания против правых элементов (читай, против интеллигенции). Нет, это еще не была «культурная революция», лишь ее предвещание. Но мой supervisor, девушка, с которой мы вместе работали, попала в число этих самых «правых элементов». У меня в тот год умер отец, поэтому я, видимо, и не разделял ее судьбу. Книгу, однако, так и не напечатали.

На китайского писателя, знатока и переводчика Гоголя и Куприна, меня «вывела» подруга. Услышав о предстоящей нам с мужем поездке в Пекин, объявила, что знакома с одним — за-мечательным! — литератором, преподающим в Пекинском педагогическом университете русский язык и литературу, и дала визитную карточку десятилетней давности. Визитка, конечно, устарела: профессор Лань Инмин уже несколько лет как перестал преподавать, вышел на пенсию и занимается теперь исключительно литературным трудом, пишет свои книги, переводит русскую художественную литературу... На факультете, однако, остались его ученики, они-то и назвали правильный телефон...

Высокий, стройный и молодой, первым делом он осведомился о моем отчестве. «А мне вас как величать?» — важно спрашивая в ответ. Улыбается. «Зовите, — говорит, — Николаем Васильевичем, так будет проще...» «Как Гоголя?» — догадываюсь я. «Как Гоголя», — скромно соглашается профессор, и я вспоминаю, что по-

друга рассказывала: профессор Лань, увлеченный автором «Мертвых душ», обошел и обошел все, но буквально все гоголевские места в нашем бывшем отечестве...

Мой новый знакомый родился в семье китайского философа и эстета, выпускника Гейдельбергского университета. Отец «Николая Васильевича» изучал там Канта, а затем перевел и издал в Китае «Критику чистого разума». Вообще-то человек он был весьма и весьма известный в стране, общался даже с Чан Кайши. А после создания КНР Мао Цзедун почему-то взял и назначил его генеральным прокурором. Все его дети — а их было семеро — получили весьма порядочное образование. Младший из них — мой собеседник — окончил Пекинский университет, стал дипломированным преподавателем и, как и отец, увлекся переводом книг, но с русского языка.

— Какой же ваш перевод и когда был впервые напечатан?

— «Дом на набережной» Юрия Трифонова. Сразу после «культурной революции», в 1978 году. А потом я принялся за «Яму» Куприна и «Вечера на хуторе...» Гоголя.

Задолго до «культурной революции» молодой преподаватель, тогда еще живящий не в Пекине, познакомил меня в одной из полемических статей не согласился с мнением весьма важного лица. За что и поглотили, ибо синоязык сей спустя срок оказался членом знаменитой «Банды четырех». Тогда это, правда, несколько иначе называлось. Тут-то Лань, насколько мне известно, выжил из аудитории, где он читал лекцию по иностранной литературе. На труд повисли средневековые шип с надписью «Нечисть». С этим шипом он был обязан ходить по территории института. А вскоре и вовсе вывели из столицы в провинцию — на исправление, или, как тогда говорили, на казачку. Вспоминая тех «студентов-красногвардейцев», профессор Лань даже сегодня переживает: «Это была ужас! Все мои друзья и знакомые от них натерпелись. И дети их тоже натер-

пелись. «Дети нечистой», — вот какое им было придумано название, они не имели права даже школу посещать! А вскоре школы и институты в стране вообще закрылись — на десять долгих лет, даже грамоте перестали учить население.

— Вас ведь во время «культурной революции» определяли в свинарник?

— Да, в 1972 году (мне уже под сорок было) выслали ухаживать за поросятами в деревню. Очень далеко. Работа была не тяжелой, но очень грязная. Но был в этой ситуации и большая плюс: милые поросята не могли «стучать» на меня. В свинарник ко мне никто не заходил. Для тех, в чьи обязанности входил контроль за мясом, воздух в свинарнике был слишком тяжел, да и грязь по колено. Я тоже, как вы понимаете, не имел права свободно разгуливать. Поэтому сидел и спокойно читал Тургенева и Гоголя, книги которых тайком вывел с собой. Мне даже рукописи никуда прятать не приходилось. И знаете, что я вам скажу: поросята очень умные оказались, такие же умные, как собаки, привыкли ко мне и беспрекословно слушались.

— А членов вашей семьи репрессии коснулись?

— Конечно. Жену, она актриса Детского театра, тоже «изолировали» на перевоспитание в провинцию, где она обязана была зубрить речи вождя, его цитаты. Театр закрыли, актеры расписали по заголовкам. Кто-то не выдержал, покончил с собой, кто-то сломался и смирился... Страшное было время.

— А как сегодня народ относится к вождю?

— А как у нас сегодня оценивают Ленина? — По-разному оценивают. Так же как и Сталина. Кто-то любит, кто-то ненавидит. Равнодушных пока еще мало. Вот к фарану Хомсу, который при строительстве пирамиды погубил людей без числа, явные равнодушные все без исключения, никто уж не равнодушен не пылает. Слишком давно это было. А Ленин со Сталиным эмоционально еще истории не стали.

— Что ж, а в нашей стране официальная точка зрения такова: «Мао Цзедун — великий вождь, хотя у него в старости и были серьезные ошибки. Но для великой китайской революции он сделал много». Люди моего возраста его не любят. А молодежь истории не знает. Цензура, знаете ли...

О трагических событиях времен «культурной революции» сегодняшняя китайская молодежь действительно не знает почти ничего. Свидетельства современников — только намеки, даже если кто-то что-то и напишет, не напечатает. И пострадает даже не столько сам автор книги — откровения, сколько редактор, допустивший произведение до печати. У нас ведь тоже при Брежневом целое поколение выросло, зная не знание, кто такие были Берия, Ежов, Казанович. И печально знаменитое ждановское постановление было уже почти шито-крыто. Подержись тот режим еще лет так двадцать-тридцать, кто знает, может, все бы и стало глубокой историей.

— Профессор Лань, — говорю я, — недавно по китайскому телевидению показывали длинный-предлинный сериал про Мао. Извините, но это такая была развлекательная клякча: и добрый он, и интеллигентный он, и приятный во всех отношениях, по просто душка. А ведь и хитер был, как и наш «отец народов», и коварен, и даже более восточен, что ли...

Я редко смотрю телевизор. Недавно,

правда, видел китайский телефильм «Как закладывалась сталь». Его снимали в Украине. О-о-о!

— Можно ли в Китае прожить трудом литератора?

— Я зарабатываю до 30 тысяч юаней в год (приблизительно 100 тысяч рублей. — И.Т.). Это значительно больше, чем моя пенсия. Если ты не ленишь, то заработать можно.

— То есть русская литература в Китае по-прежнему востребована? То, что вы переводите, печатают?

— Ну почти так. Я ведь более или менее престижный автор. Если, конечно, не допущу какую-нибудь политическую ошибку.

— Вы или те, кто вы переводите?

— И я, и они. Но в основном цензура распространяется на китайских авторов.

— А утверждать, что в Китае жить сегодня стало легче?

— И жить стало легче, и разговаривать можно свободно. Раньше повсюду были доносчики, теперь их мало, и народ стал более свободно высказываться. Что думают, то и говорят.

— А в журналистике и литературе, конечно же, популярен «второй слой»?

— Инкогнито более чем достаточно. Этот литературный прием понимают все. Привыкли. И если кто-то нападет, скажем, на Сталина, то остальные понимают, что речь на самом деле о собственных пенах.

— Кто из переведенного вами, естественно, кроме Гоголя, вы считаете главным?

— Роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Композиционно это, конечно, книга поэта. Но два издания уже выдержала и хорошо раскупается. Недавно перевел «Нечистую силу» Пикюла. Тираж — 100 000 экземпляров. Пятое переиздание выдержала «Яма» Куприна. Опубликовал и свою книгу очерков о судьбах русских писателей — о Маяковском, Есенине, Исаковском, Фадееве... На очереди переводы рассказов Гейффа. Как видите, худо ли, бедно ли, но в Китае имеют представление о русской литературе — и не только о классике. А много ли русских читателей могут хотя бы назвать имена десяти современных китайских писателей?

— А у нас сегодня есть немало интересных, в том числе и очень молодых, авторов. Не хочу никого обижать лично, но такое складывается впечатление, что многие наши китайцы заняты исключительно погоней за деньгами, подрабатывают где могут и на чем могут, а это, согласитесь, отнюдь не способствует лучшему пониманию культуры и литературы Китая.

— А есть ли у китайских писателей такое понятие: «писать в стол», в надежде на то, что когда-нибудь режим изменится, তবে произведение обязательно увидит свет и будет оценено по достоинству?

— Есть, конечно. Но я не хочу писать в стол. Я хочу видеть свои книги напечатанными.

Ирина ТОСУНЯН

Анатолий
НАЙМАН

Едва Берлин произнес, что первые месяцы чувствовал себя в Америке, как Мелансиде в замке Гоголь — нервно и неуютно, в тот же миг перед моими глазами встал человек, с которым я познакомился и на короткое время сошелся в Брин Море. Вообще говоря, я его и не забывал никогда с тех пор. Январским вечером 1991 года я вышел после очередного своего семинара с Русского отделения колледжа Брин Море, и он, выслушав голову из огромного коричневого «шевроле», окликнул меня по имени. Я видел его в первый раз. Он сказал: садись — по-русски и хлопнул рукой по сиденью рядом с собой. В Америке нельзя садиться в автомобиль с незнакомым человеком, это мне уже успели преподавать среди фундаментальных правил проживания в этой стране — сразу после сопровождаемого мистическим ужасом зачисления о неукоснительной уплате налогов и зачисления в школу, но поощрительно на его фоне предупреждения не превышать скорость на дорогах больше чем на пять миль против разрешенной. Но сам оклик и характер приглашения настолько выходили за рамки каких бы то ни было правил, что я обошел машину и сел.

Его звали Драго, черногорец. То есть это он так сказал: все, что я о нем знаю, я знаю только с его слов, а так как между многими прочим, о чем он мне говорил, был яркий рассказ о встрече и короткой, но насыщенной дружбе с Берлином, то реплика того о Мелансиде по поводу тоски, сопутствующей привыканию к Америке, давала мне наудачный повод проверить, так ли это, действительно ли они подружались, а если да, то дружил ли Берлин с ним так открыто и сердечно, как тот говорил, и вообще помнит ли Берлин этого человека и эту историю. Но я отказался — боялся услышать, что нет, было совсем не так или даже вовсе ничего не было.

Ни в какое глухое место, чтобы отбавить и с изощренным злостью убит, Драго меня не увез и вообще нигде не повез. Мы сидели в машине, работал мотор, от печи шло тепло, горел верхний свет. О знакомстве с Берлином он упомянул почти сразу: знаю ли я такого и знаю ли, что он тут читал Флуксусские лекции? Я знал — от Берлина: узнав, что я приглашен на семинар в Брин Море, он тотчас прокомментировал: «Ну как же! Все должны пройти через Брин Море, я это сделал в пятидесят втором году». Драго сказал, что он так же, как меня, подождал его после первой лекции, только у здания философского отделения, тоже в автомобиле, но тогда это был «форд», роскошный «форд» 50-го года выпуска, с хромированным всем, что можно хромировать: тоже позвал по имени, и тот тоже влез к нему в кабину без размышлений. По тому, как он говорил об этом, расставлял ударения и какие делал оговорки, мне показало, что это было самое значительное событие его бринморской жизни.

Через пятнадцать минут разговоры вояла, что бринморской, но никак не всей. Он родился в самом начале 20-х, это вытекало из рассказа о том, что он воевал против немцев вместе с Джигласом и тогда ему было девятнадцать. Из чего следовало, что сейчас ему под семьдесят — а я, на него глядя, думал, что под пятьдесят: сильный, резкий, с огнем в глазах, черные выходящие волосы. После первых фраз знакомства Берлин, услышав, что он преподавал новейшую историю в Хаверфорде, тут же предложил провести совместно несколько семинаров. «Мастерская Рубенса, понимаешь? — пояснил мне Драго, — Я натягиваю холст, грунтую, делаю подмазок, он приезжает — и кистью мастера. Он ведь не любил тянуть ее один. У него на лице было написано, что это тяготит. То, что было с ним рядом, даже такой шарлатан, как я, его возбуждало. Когда он сказал «совместно», я зашелся от восторга». Я спросил, почему шарлатан.

«Ха. Шарлатан и самозванец. До того, как сюда попасть, я из истории знал только «Три мушкетера». Всю историю философии я прочел за два летних месяца перед тем, как начать преподавать. Всю весну ФБР меня трясло и проследовало, выясняло от и до, наконец санкционировало право наительство. Агент, который меня вел, предложил два места: радио «Свободная Европа» и колледж. Он был уверен, что выберу радио, но я сказал: «Во-первых, может получиться некрасиво, я уже тут занимаюсь — из Москвы. А во-вторых, откройте вы вещание на Югославию, не тратьте доллары. У нас поговорка: врет, как радио, — а у меня врать не получается, моментально проговаривается, только смеяться будут. У нас по радио даже погоду не слушают, только футбол. Я это и русским говорил». — «А что вы преподавать можете?» — «Кроме математики — все!» — «Историю философии?» — «Балканскую». — «А есть такая?» — «Ха. Именно история и именно философия». Приехал сюда, в библиотеке десять книг, две до сентября успел прочесть, только и лезал в философский словарь — вошел в класс и давай. Греция что не Балканы? Ух, это была история философии, понятия, что дело нешуточное. Я ведь, когда делал со мной знакомство, как с новым членом факультета и сказала, рада, мол, иметь вас здесь, не понимал даже, взяли меня на работу или нет. Но когда они начали слова различать — на ур. У меня там пахнут друг с другом любовью, заимались, девки с поджатыми подолом винограда толпаты, орлы детей в горы уносили. Я им говорю: ну вы как думаете, можно при таком положении вещей в наших краях не заниматься философией? Можно не базарить, как афиняне с апостолом Павлом? На Балканы — или философов, или резать друг друга».

Я спросил, рассказывал ли он тогда Берлину... Еще бы!... в эти дни слов. — «Хуже: тогда «базарить» еще не было, было «качать права». Я спросил, почему ФБР. Потому что перебежчик. И при этом двойной: в Советский Союз и от Тито в Москву: как свободный член черногорца — из Москвы в Соединенные Штаты. Длинный рассказ, нужно время. Есть ли у меня время, какое в колледже расписание? Я сказал: курортное, два раза в неделю, всего шесть часов. А за курс-то? Введение в русскую поэзию. Ну пир духа! Простите? Пир, говорю, духа. А был ли в Филадельфии в русской бане? Там такие масажистки, такой массаж! Вот уж где введение в поэзию. Он ответил: да, сказал, что завтра заедет.

Я находился в Америке всего четыре недели, а до того безвыездно прожил в России полстолетия. Я уже прошел через полное, доскональное понимание американской жизни, которое пришло ко мне на третий день по приезде, через пол-

В прошлом году в журнале «Октябрь» была опубликована книга Анатолия Наймана «Сэр», вызвавшая повышенный читательский интерес. «Я рассматривал ее как цельную и завершающую», — пишет автор, — готовую к полету, хотя и знал, что между VII и VIII главами должна встать еще одна, которую я уже тогда называл для себя «пропущенной» — о взаимоотношениях моего героя с Америкой. Некоторые книги пишутся по принципу стратостата: шар, наполненный на три четверти, взлетает так же, как надутый до полного объема. Но эта последняя четверть расправляет складки, в которых могла спрятаться часть текста». Полностью глава публикуется в «Октябре», № 3, 2001.

ное, беспрестанное непонимание, длившееся десять дней начиная с четвертого, и теперь находился опять в состоянии понимания, правда, частичного, выражавшегося в том, что ничего такого в этой стране нет и вместе с тем каждую минуту может случиться что угодно абсолютно неожиданное, так что реагировать на все надо, не принимая близко к сердцу. Звонит по телефону, прямо в твою спальню, с ходу начинают с доверительной, почти интимной интонацией что-то предлагать, на что ты с ходу отвечаешь «спасибо» и вешаешь трубку. Или окликает незнакомый мужик из машины, оказывается черногорец, оказывается перебежчик, профессор, друг Исайи Берлина, знаток борделей, замаскированных под русские бани. Нормально.

Но завтра пришлось и эту установку пересмотреть. Он привез меня к себе, в обычный suburb, что-то вроде пригорода по-нашему; дома на склоне пологого холма к энергичному ручью; расставлены просторно между огромными деревьями; заборы, но не общие для соседних домов, а с прогнами, как в русской деревне, и в одном

сделал: не было в нем широкого масштаба, не за страну он рвался и не за свободу, а главное, чтобы против Тито. Сейчас-то во всем мире так и в России в первую очередь: кто кого сквирует, залвинет, посадит, уберет. А тогда политика еще не боярской была, а государственно-войска.

Я поверил этой истории без единого сомнения, от начала и до конца. Я однажды перевел несколько песен из собрания Вука Караджича, сербский язык. Одна была про то, как девушка из знатной семьи вышла замуж за короля, не помню какого, какого-то не очень убедительного — динарского? далматского? Через некоторое время два младших брата, совсем еще дети, поехали навестить сестру. Она их увидела издали, из окна дворца, и говорит мужу: давай их уберем. Муж, в общем, не против, но его смущает, что скажут королю вассалы, венгерские и венецианские. Тогда давай выйдем мы глаза. Король говорит: это другое дело... и выкалывает. Те садятся на своих лошадей и отправляются домой. Отец видит их приближение, выходит за ворота встретить. В это время с одного из них падает шапка,

бы по берегу наткнулся на рыбацкий домик, против него на песке стояла лодка без весел. Оттащил ее к воде, поискал вокруг, чем грести, увидел валившуюся старую доску и отплыл. К середине дня его подобрал советский торговый корабль...

Я просто слушал, и то, что я слышал, а за сорок лет до того слышал Берлин, была не Америка, умозрительно сформулированная мною как место, в котором может случиться все, включая и такое, и даже не экзотика какого-нибудь принципиально не формулируемого Китая, в котором только такое и должно случиться. И не «Чужой» Альбера Камю. И вообще не то, что может быть хитом или иначе, то есть так или иначе объяснено, так или иначе понято, но то, что может быть только принято, как оно есть. Объяснить тут было нечего. На этом оказывалось основано само существование человечества: все допустимо было отбросить, мысли и размышления, мораль, да сами чувства в конце концов, а это нет. Я спросил, как реагировал на рассказ Исайя. «Ха, он умел и молчать, не только говорить. Он все на этом свете ценил: потому ценил и молчание». «И ценил», — вешалась Визма, — молчаливых людей, чье молчание понятно окружающим близким. Так что просто улыбался, печально, беспомощно, соболезнуя. Потом сказал: «Так бывает. Я знаю, что так бывает». Я узнал эту интонацию, так же он говорил мне однажды: «Да, зло есть. Зло существует, нигде не дельшесть».

В Москве не было и если у него, то не намеренно, а потому, что в какой-то России модус вивенди. И Сталин был — рукой подать, метрах в трехстах от пешеходов, за Кремлевской стеной, настоящий Сталин. И коммунизм строили именно так, как он, Драго, хотел, реально. Все было о'кей, только не было тепла: согреться на солнце в январе, да, тепло, горячий песок, жаркий тел под легкими накиннутыми рубашками, громких голосов и вообще — не унылости. Его определили на радио, как потом в Америке, «Автоматизация, демократия — воображение, то одно; раз из Югославии, пропагандируя Югославию». С радио провалилось: пару раз понес отбеситину, не вредную, но хуже, чем вредную, — несанкционированную: один раз матюкнулся — потом доказывал, что в Югославии п... тем более что покая на печь, совсем не то, что в России п... покая на воронье гнездо; потом оказался в ночной студии с дежурной монтажной. Из-за коридора. Длиннее, едва освещенные, пустые коридоры — как в мертвецкой. Ну не мог я по ним ходить, улыбаясь, вышла высокая женщина на вид лет пятидесяти, но равно не удивилась бы, и что больше, и что меньше, форм пышных, но налитых силой, с крепкими румяными щеками на круглом лице. Представилась: Визма, — Драго тотчас добавил что-то полушутливое, солововое, мол, сосуд греха, надеюсь, правда, что исключительно моего, упругий скудельный сосуд моего греха. Понятно было, что она слышит вещи в этом духе не в первый раз — продолжая улыбаться, махнула на него рукой.

В доме он сразу достал бутылку сливовицы: «Стара Сливовица», Old Plim Brandy, винокурный завод Марска. Хорватия, для калифорнийской компании «Западные питанье и напитки» в Санта Ана. Прогорев, что терпеть не может Калифорнию, разил по рюмкам. Я, что было что-то сказать, вспомнил, что Леопарди написал о недавно попавшей в культурный оборот Калифорнии как о земном рае: тепло, пальмы, прозрачное голубое небо... Каждый день, отозвался хозяин, каждый Божий день, без пропусков — прозрачное голубое небо, муть начинается. Калифорнию терпеть не могу, но не ненавижу — ненавижу Хорватию... Был такой случай, в начале войны. Они сбили хорватский самолет, летчик выпрыгнул с парашютом, его поймали. Привели к кому-то из высших командиров, пусть будет Джиглас. Тот с ним поговорил, обернулся, подал взглядом на Драго — их там стояла кучка молодых парней с карабинами — и, ничего не сказав, мотнул головой в сторону хорвата. Драго расплылся в улыбку, бросил хорвату «пошли», и они пошли. «Мне тогда, Анатолий, убит человек стоило меньше, чем комара прихлопнуть». Он хлопнул ладонью правой рукой по тыльной стороне ладони левой и сощелкнул с нее пальцем на пол чертовой насекосом. Вокруг раскраснелось — но все остальное так было наглядно, что в ту минуту я его увидел: мошк, которую он сконцентрировал из воздуха, чтобы тут же несло и артистично превратить в ничто.

Они пошли к лесу, и Драго устали на сапоги хорвата: коричневые, эластичной кожи, немного бутылочкой, ну мечта. Он даже подпихнул его прикладом, чтобы побыстрее. Но тут их бегом догоняет другой пареня, из тех, которые с ним там стояли, и говорит, что командир велел вести «пленного» обратно. Драго, облебенный, гонит его назад, к Джигласу, и тот предлагает хорвату: если дашь честное офицерское слово, что, когда мы победим, а это будет через год, максимум два, ты прилетишь и посадишь на нашем аэродроме самолет, то я тебя сейчас отпущу. Тот подумал и говорит: гоните, честное слово, только вы сперва победите. И уходит с провозвонит, уже не Драго, — улетает в драгоны сапогах. А в сорок четвертом, представляете себе, появляется на бреющем полете, покочившая крыльями, и сажает свой «мессер», не новый, но вполне приличный. Драго его на следующий день встречает и говорит: давай меняться сапогами. Тот был уже в чине майора, но и Драго в капитанском: хорват посмотрел на его сапоги, безо всякого уважения, почти презрительно, и ни слова не говоря, ушел опять, второй раз.

С тех пор я Джигласа и не любил. И правильно они спешиваются, шарили руками по земле, не могут найти, и тогда отец говорит матери, что их ослепили, и мать плачет... Художественный пункт — упавшая шапка, к этому вся песня идет и на этом достигает эмоционального пика. Но на меня не сравнить, насколько сильнее произвела впечатление сестрица: «Давай их уберем. Нет? Тогда давай выйдем мы глаза. Никакой мотивировки, на равном месте. Я в ту минуту подумал, что это такая условность, свойственная эпосу вообще, а сербскому в особенности. Но когда Драго рассказывал про летчика, я, подготовленный песней про ни за что ни про что изувеченных братиц, не только без оговорок принял на веру его слова, но и, убежденный его рассказом, понял, что факт, по поводу которого была сложена песня, абсолютно правдив и тем самым историчен.

Но это было вступление, я ждал главного сюжета. После войны он занял место и в политике, и в руководстве Югославии. Разумеется, не переставая, однако имя его повторялось в газетах, и у публики, и в общем, было представление о том, кому оно принадлежало. Он был убежденный сталинист, думал то же, что Кожев говорил Берлину: что в массе своей люди — славяне во всяком случае — косны, добра своего не знают, как африканские дикие, и к лучшему — для них же лучше — их надо тащить за шкуру, подгонять штыками, давать острастку палками, настоящие. Только Кожев выкалывал это полуиронически, а Драго совершенно серьезно и безалаберно. Когда Тито повел с Сталиным, он повел с Тито, во всеуслышание объявив об его измене и был тотчас посажен. Лагерь, как и следовало ожидать, был один из тех самых кошмарных, голодных, безводных, о которых потом написали, и мир в очередной раз попытался и в очередной раз не нашел сил ужаснуться. Там были чудовища, унижали и унижались, попросту не считали, но его, то ли по указанию из центра, то ли потому, что в таком месте иначе нельзя, были, унижали и унижались, как звери зверя. Целый день ползавшим сознанием он удрал к краю по каменистой скале, а между вечерней кормежкой и отбоем должен был брать лопату и спускаться в вырубленную вымощенного места, прямо под вырубленные в пологом месте дыры, в которые другие зеки производили справлять нужду и в те полчаса, когда он их испражнениями наполнял ведро, чтобы передать такому же, как он, животному, стоющему наверху.

Сержант-охранник однажды ударил его ногой в пах, просто так, проходя мимо. Драго согнулся, постоил, пока тот скатился, а выпрямившись, сказал: «Я тебя когда-нибудь найду и так жежу, что малафия из ушей вылетит». Тот в него влился и стал приходить в палатку ночью: будил, вел к яме, ставил под око и опорожнялся на него. За несколько дней Драго наточил лопату до остроты бритвы, оставил под помостом и в очередную ночь, когда сержант спустил штаны, всадил ему снизу в задний проход по самый черенок. Тот закричал и рухнул вниз на руки Драго. На руках, чтобы не замарать, он оттащил его к краю ямы, снял форму и переоделся. Еще в первые дни пребывания в лагере было выстроено место под колесом проволокой, где большая каменная плита была вделана — с того расстояния, на какое к ней можно было приблизиться, — расколотой. Так и оказалось: он вынул кусок за куском, подлез в образовавшееся отверстие и ушел в лес.

Местоположение лагеря он знал, еще когда сам отправлял туда людей. За полночь ночи пошел до моря, через четверть часа быстрой ходь-

А челн — плывет...

«Нужно обладать мудростью, чтобы увидеть прямую связь между числом читателей стихов и духовным состоянием общества, но связь эта есть, и люди, способные ее различить, мы верим, не перевернутся...» — говорится в открытом письме, с которым ведущие стихотворцы страны обратились в конце января к российским меценатам. Они призвали поддержать отечественную поэзию, а в первую очередь — обеспечить надежное существование единственному в России «толстому» поэтическому журналу «Арион». И меценаты, в лице генерального директора Московской валютной биржи Александра Захарова, откликнулись («Известия», 25.01.01). К нему присоединились и другие представители отечественного бизнеса — в ближайшее время состоится «круглый стол» поэтов и меценатов, на котором будет представлен попечительский совет «Ариона»: он возьмет на себя заботу не только об издании журнала, но и о продолжении выпущенных им книжных серий, присуждении премий «Арион», проведении поэтических вечеров и фестивалей в российских городах...

А тем временем журнал готовится открыть 8-й год своего существования очередным, как всегда «веселым», выпуском. В нем читатели найдут размышления Илья Фаликова о поэтических итогах последних полутора десятилетий, заметки Леонида Костюкова о «большой» поэтической форме и Дмитрия Кудри о «русских хокку», воспоминания Игоря Волгина о знаменитой университетской литературной студии «Луч», откуда в 70-е годы вышли Сергей Гандлевский, Бахат Кенжеев, Евгений Витковский, Евгений Бунимович и другие замечательные поэты... Ну а главное, разумеется, стихи, с некоторыми из которых, как и с публикуемыми в этом номере графическими работами, мы знакомим наших читателей.

Ирина ЕРМАКОВА

Сентиментальное путешествие

Воскресенье. Без четверти пять красным солнцем прощита вода бросит ас в подем гулять улыбким дорогой настега

В осенней легкой ленте по медлительной дороге на пляжи кепианский сет словно в Индию духа влет

Вдоль крутых кустов берегов мы заплывем в Китайской стеной где зарят мандарин западной

Облетая счастливый Тамбон в тучных кустах искусов садов огибая мещаний Париж где напавшим живут топоры обняв тот Ванский порт где когда-то подымались на борт

А укочники жадно скрывают а укочники жадно скрывают в мутных водах байронит пранат в темном полудне нежная жемчужина влюблю влюблю влюблю все что было и будет и есть

Всем — по родине всем — по душе по алмазному паркету Не злись это жизнь это еще смеет жизнь пот и солнце пропало уже

На рекламных основных ролях никто будто выскочил в серой роли раскрылся дождь зашумит над Камширским шоссе

И впадал в ночную Москву сердце дрожит и прыгает по мрак я не знаю зачем в живу просто так дорогой просто так

Сергей КУЛЛЕ
(1936 — 1984)

Ирина ЛИСНЯНСКАЯ

Скопидомка

Меняет кожу змеи и растений, А человек меняет точку зрения И точку прожвывая. Сегодня тебе место наложница В саду. Но мы любили каждую Ты как бы оставалась бы ничем.

Тебя как бы не трогает погода, С нежной ползотой небосвода. Но с твоем скопидомкой Запасись ты в свою статью прихода Буквально все, что летняя природа Способна дать на зимние потемки.

По-стариковски копилку жлоба И обложку жасмина торжеству. И прочее в его безвещном роде. И шутки: старость — дело злостное, Завис, что место жительства земное И время — на истоке.

Новелла МАТВЕЕВА

Как много тонкости у летних башмаков! Красна, да не тепло в осенних отпавших, А на башни лней, как пальцы балетисты, Оленки смуглые запылились с боков.

И песни осенних дней — небрежны, дар болю, — Воружь возмужает! И в шестелаз по шестелазу Листов... И в потоке вдоль рыжих берегов Стад шумноблещущих... И в редких лотковых свистах...

А вечер звездными насытит небосвод, (Пот тоже был бы звук — протажный!) И прозрачный! Но влюб — ликоват по кровле бой кулачный, И ашатория так низко здесь полет, Что крыша кажется аэродромом равным, Откуда их райы взмывают с ревом равным.

Большой старик, Чуть держится душа За пазухи с лекарством И лунку... Апрельский, позитивный денек, Дорожки парка усыпаны Прозлогодными бабushками И похотевшими лунками.

Михаил БАРУ

каким бы курсом на суденышке ни плыла, какой бы Гений ни витал над нами — мой друг, мой друг, нам ничем не мзбавить с ним предостовой встречи.

Мой друг, мой друг, наш дедушка перестал! Когда же никто не будет ждать. Он прижался к нам на шарах ползущих, на китобойном судне, лебодке «Красин», с запелав рулевым.

Он к нам приключился в створежной шапке в капризных шарфиках, брычках, на допороженных сапогах, на тапке, на аэросалон на льдет к нам на допр. На чотопалке, на зимке, тракторе, катмаране, на машине времени.

В скафандре скляченном, как антиличным истинным, пересечет морское дно. Нирал марш на минерской дудке, в ручей пойдет на канонической лодке.

Низ олушится на парашуте шекотом. Низ на лыжах прибрежит, как Сольвейг. В колхозах каторжника, в орденских колхозах он скатится с американских тор на финских санках.

Низ объявится на нашей танцплощадке. Низ олушится на местном танцплощадке в разгар бешеного маневров: он, легок на подъем и легок на помине! В один прекрасный день чрезвычайно молодое

соскобонит он с кавалерийской лошади — наш дедушка, наш дедушка, наш дедушка! Что б мы ни делаем, чего бы мы ни думаем,

каким бы курсом на суденышке ни плыла, какой бы Гений ни витал над нами — мой друг, мой друг, нам ничем не мзбавить с ним предостовой встречи.

каким бы курсом на суденышке ни плыла, какой бы Гений ни витал над нами — мой друг, мой друг, нам ничем не мзбавить с ним предостовой встречи.

каким бы курсом на суденышке ни плыла, какой бы Гений ни витал над нами — мой друг, мой друг, нам ничем не мзбавить с ним предостовой встречи.

каким бы курсом на суденышке ни плыла, какой бы Гений ни витал над нами — мой друг, мой друг, нам ничем не мзбавить с ним предостовой встречи.

каким бы курсом на суденышке ни плыла, какой бы Гений ни витал над нами — мой друг, мой друг, нам ничем не мзбавить с ним предостовой встречи.

каким бы курсом на суденышке ни плыла, какой бы Гений ни витал над нами — мой друг, мой друг, нам ничем не мзбавить с ним предостовой встречи.

(Публикация Ирины Ахметовой)
© Журнал поэзии «Арион», 2001